

Бердяев Николай

Судьба человека в современном мире

Николай Бердяев

Судьба человека в современном мире

(к пониманию нашей эпохи)

ГЛАВА I. Суд над историей. Война

1

Моя книга "Новое средневековье"* была написана 11 лет тому назад, а книга "Смысл истории" 15 лет тому назад. В них я высказал свои историософические мысли в связи с наступлением конца целой исторической эпохи. Многие из того, что я говорил, подтвердилось, многое предвиденное мной сбывается. Но возникло и много нового, требующего осмысливания. И у меня явилась потребность написать как бы второй том "Нового средневековья". Еще острее ощущаю я, что наступает для мира ночь и тьма, подобно тому как было в начале образования средневекового мира, до средневекового возрождения. Но в ночи светят звезды и возгорается свет. Стало банальным говорить, что мы живем в эпоху исторического кризиса, что кончается целая эпоха и начинается новая, еще не имеющая имени. Одних это ужасает, других радует, но все это говорят. В действительности то, что происходит, глубже происходит суд над историей, а не над одной из эпох истории. И в этом смысле мы живем в эпоху апокалипсическую, именно в этом смысле, а не в смысле скорого наступления конца мира. Существует внутренний апокалипсис истории. Апокалипсис не есть только откровение о конце мира. Апокалипсис есть также откровение о событиях внутри истории, о внутреннем суде над историей. И это теперь совершается. Существование человека в этом мире историческое существование. Существование есть история. История же есть трагическое столкновение между личным и сверх-личным и до-личным. История никогда не разрешает конфликта между личностью и обществом, личностью и культурой, личностью и массой, между качеством и количеством. В ней действуют личности, в ней обнаруживается индивидуальное, но она беспощадна к личности и давит индивидуальное. История имеет смысл, признание смысла истории принадлежит христианству. Но история вместе с тем есть неудача человека, неудача культуры, крушение всех человеческих замыслов. В ней осуществляется не то, что задумал человек, и смысл происходящего в ней неуловим для человека. История никогда не стеснялась в средствах, которыми она действовала, она прибегала к каким угодно средствам для осуществления своих целей, которые слишком часто оказывались непонятными человеку и несоизмеримыми с его судьбой. Гегель учил о хитрости разума в истории. Хитрый разум обманывает человека для осуществления своих целей. Приходится как будто бы сказать, что субъектом истории был не человек и даже не человечество, а нечеловеческий разум, нечеловеческий дух, который у Маркса превратился в нечеловеческую экономику[1]. История всегда работала для общего и универсального, а не для частного и индивидуального. Парадоксально можно было бы сказать, что человек проявил большое бескорыстие, согласившись на историю. Возможно, впрочем, что он был корыстен, вступив на путь истории, но история обманула его, превратив и корысть его в средство для осуществления своих нечеловеческих целей. Хитрость разума, против которой восстает живая человеческая личность! Человек был раздавлен историей, всегда был раздавлен. История была судьбой человека, но судьба человека никогда не интересовала историю. Несοизмеримость между историей и личной человеческой судьбой и есть трагедия истории, трагедия безысходная в пределах самой истории, требующая ее конца. Сверхличное никогда не осуществлялось в истории, как полнота жизни личности. И даже когда история ставила себе человеческие, лично-человеческие цели, она осуществляла их, давя человеческую личность. Гегель был как бы воплощением в мысли духа истории. И философия его была совершенно антиперсоналистической. Против Гегеля, против гегелевского универсального духа,

обнаружившего себя в истории, восстали такие люди, как Киркегардт и Достоевский. Объективация духа в истории, которая так пленяла Гегеля, есть отрыв от внутренней тайны человеческого существования и переход в мир природно-социальный. В мире же природно-социальном даны объекты, но не даны "я" и "ты", т. е. мир человеческого существования[2]. "Неудача истории и есть не что иное, как трагедия несоответствия между существующим, человеческим, личным и всякой объективацией, всегда внеличной и внечеловеческой, антиличной и античеловеческой. Вся объективация истории - бесчеловечна и безлична. Человек принужден жить в двух разных порядках, в порядке существования, всегда личного, хотя и наполненного сверхличными ценностями, и в порядке мира объективированного, всегда безличного и к личности равнодушного. Человек всегда находится под угрозой, и часто смертельной угрозой, со стороны процессов, происходящих в истории. Он принужден чувствовать процессы истории как роковую, нечеловеческую силу, совершенно равнодушную к его судьбе, бесчеловечную и беспощадную. Такая бесчеловечность и беспощадность есть в истории образования государств и империй, в борьбе племен и национальностей, в революциях и реакциях, в войнах, в индустриально-капиталистическом развитии и процветании народов и государств, в самом образовании и развитии цивилизации. И, по-видимому, невозможно гуманизировать средства, которыми действует история, к которым прибегает исторический разум. Трудно, очень трудно очеловечить государство, которое есть любимое создание истории. И вместе с тем человек не может выпасть из истории, не может отстранить от себя историческую судьбу. Индусское религиозное и философское сознание отстраняет от себя историю, оно антиисторично. Но жизнь индусского народа от этого не была более счастливой. Он жил в страшной бедности и скудости и в страшной социальной неправде, в кастовом строе, в котором парии не считались людьми. Христианство исторично, оно признает смысл истории и оно действует в истории. В истории произошло боговоплощение. Но христианство, будучи силой исторической и делая христианские народы историческими, никогда не могло реализовать себя в истории. Объективация христианства находится под знаком всякой объективации. Объективированное в истории христианство делается социальным феноменом со всей ограниченностью и относительностью социальных феноменов, оно подчиняется социальной обыденности. Христианство принимает историю, действует в истории, и оно сталкивается с историей, и нельзя узнать его духа в исторической объективации. Для христианства в известном смысле всякая человеческая душа более значит и более стоит, чем вся история со своими империями, войнами, расцветами цивилизаций, переворотами. И потому неизбежен срыв истории и суд над историей.

Никогда еще не чувствовался и не сознавался с такой остротой конфликт человека и истории, противоречия истории, как в наше время, никогда еще человек не был так незащищен от процессов, происходящих в истории, и никогда не был так ввергнут в историю, так выброшен вовне, так объективирован и так социализирован. И ни один человек в нашем обществе не изъят из сферы угрожающего ему исторического свершения, нет более в этом отношении привилегированных групп людей, происходит уравнивание перед фатумом истории. Человек подвергается угрозе, что у него ничего не останется для себя, для своей личной, интимной жизни, никакой свободы его духовной жизни, его творческой мысли. Он оказывается ввергнут в жизнь огромных коллективов и подчиняется нечеловеческим приказам. От человека требуют, чтобы он все без остатка отдал обществу, государству, классу, расе, нации. В этом отношении мировая война и следующие за ней революционные процессы имеют метафизическое значение в судьбе человека. Происходит потрясение в самых первоосновах человеческого существования. Мировая война была обнаружением накопившегося в человеческом существовании зла, накопившейся злобы и ненависти. Она объективировала зло, которое раньше оставалось прикрытым, пребывало как бы в субъективном, а не в объективном. Война обнаружила лживость нашей цивилизации. Она мобилизовала все силы человека для объективированного и социализированного действия, не доброго, а злого. Все для войны. Война сама по себе была уже и своеобразным

коммунизмом, и своеобразным фашизмом. Она страшно обесценила человеческую жизнь, приучила ставить ни во что человеческую личность и ее жизнь, рассматривать ее как средство и орудие фатума истории. И после войны человек остается мобилизованным, он продолжает исполнять воинскую повинность, он выброшен вовне, в общество, в государство, в национальность, в класс, в объективированный мир, и ему не позволено оставаться в себе, в своем внутреннем существовании, изнутри определять свое отношение к миру и людям. И что самое поразительное, так это что человек в молодых послевоенных поколениях получил к этому вкус, он не чувствует себя насилуемым, он сам жаждет насиловать в этом направлении. Война воспитала насильников. Выпущенные на свободу демоны ненависти и человекоубийства продолжают действовать в мире. Мы увидим, что в происходящих процессах огромную роль сыграла не только война, но сила гораздо более длительная, имеющая почти космическое значение, - техника и технизация жизни. Война обозначила грань, за которой начинается новая форма коллективного человеческого существования, обобществление человека. Существенно не то, что происходит процесс обобществления и национализация собственности и экономики, это элементарно необходимо и справедливо. Существенно то, что происходит обобществление и национализация самого человека, человеческих душ. Этот процесс начался в капитализме, в капиталистической индустрии. Обуржуазивание человека, с одной стороны, пролетаризация его, с другой стороны, были смертоносны для личности, для личного существования. Капитализм есть прежде всего антиперсонализм, власть анонимности над человеческим существованием, он обращается с человеком, как с товаром. Все согласны с тем, что война была обнаружением небратского отношения человека с человеком, необщности людей, их страшной разъединенности при внешней сцепленности в железной дисциплине. Но и без великой войны буржуазно-капиталистический мир был отрицанием всякого братства, общности, соединенности людей. Человек человеку волк. Жизнь в капиталистическом мире - волчья жизнь. Война обнаружила, что нет никакой общности и соединенности людей, кроме прикованности их друг к другу в казарменной дисциплине. Она обнаружила, как поверхностен был процесс гуманизации и как малочисленны были слои, им действительно захваченные. В мировой войне выступали огромные организованные коллективы, под которыми шевелится хаос. Мировая война была уже судом над историей, имманентным судом над ней. Она была беспощадным низвержением иллюзий, величайшим разочарованием в идеалистическом понимании истории, во всех возвышенных идеях.

2

Обнаружились первореальности, скрытые под покровом цивилизации, реальности оголенные. Окончательно пошатнулась вера в человека, которой еще жил XIX век. Вера в Бога пошатнулась еще раньше. Одно последовало за другим. Пал гуманистический миф о человеке. И под человеком развернулась бездна. Волчья жизнь в капиталистическом обществе не могла поддерживать и питать веру в человека. Человек, сам человек ставится ни во что. Хозяйство, которое должно питать человека, было не для человека, человек был для бесчеловечного хозяйственного процесса. Война только договорила, что человек ставится ни во что, что он перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще какой-либо ценностью. И все почти движения, которые после войны направлены против капитализма, усвоили себе то же отношение к человеку, которое было в самом капитализме и в войне. Это и есть самый характерный процесс нашего времени. Человек не в силах удержать себя, защитить свою ценность, найти внутреннюю точку опоры, и он хватается, как за якорь спасения, за коллективы, коллективы коммунистические или национально-расовые, за государство, как земной абсолютом, за организацию и технизацию жизни. Человек потерял свою целостность, разорвался на клочья. Из войны вышли на арену истории человеческие коллективы, массы, которые выпали из органического строя и лада жизни, утратили религиозную санкцию своей жизни и требуют принудительной организации, чтобы не наступил окончательный хаос и распад. Прежняя органическая, полурастительная жизнь масс стала невозможной. Все старые религиозные санкции власти, державшие огромные

массы в органическом порядке, исчезли, в них не верят более. Всякий старый авторитет власти окончательно уничтожен в современном мире. И это не есть только процесс отрицательный, через него должен пройти человек, чтобы окончательно стать на ноги, актуализировать свои силы. Но замечательно то, что при полном падении всякой религиозной санкции власти мы живем в очень авторитарную эпоху. Тяга к авторитарному строю жизни обнаруживается во всем мире, либеральное начало дискредитировано окончательно. Но санкция начала авторитета и авторитарного строя сейчас иная, чем была прежде. Авторитет рождается из новых коллективов, и эти новые коллективы наделяют своих вождей еще более абсолютной властью, чем в старых священных монархиях. Зашевелился хаос внутри истории. Но источник хаоса не только в природе, где его прозревал Тютчев*. Хаотическое начало есть и в истории. В истории есть процесс рационализации, но есть и сильное иррациональное начало. Захлестнутый хаосом истории, окруженный бушующими иррациональными силами, пораженный историческим фатумом - человек соглашается перейти в сферу нечеловеческого существования, он выталкивается из человеческого существования. Война была катастрофическим моментом в обнаружении того хаоса, который шевелился под лживой капиталистической цивилизацией. Война была принудительно организованным хаосом. Хаос может иметь обличье совершенной внешней организованности. И после войны человек не только согласен, но и хочет жить в принудительно организованном хаосе, хаосе, выражающем себя в авторитарном строе жизни. Ненависть и злоба, терзающая мир, есть хаос. Организованность, которая в своей душевной подпочве не только допускает, но и экзальтирует ненависть и злобу, не может победить хаоса. Реальная победа над хаосом требует усилий духа, духовного переворота и духовного возрождения, она опирается не на фатум истории, не на темные иррациональные силы, а на человеческую свободу и на благодатные Божьи силы. Но в современных мировых течениях не действуют ни силы свободы, ни силы Божьей благодати. В них обнаруживается страшная покинутость человека. Огромные массы человечества зашевелились и пришли к активной власти в момент потери религиозных верований и отпадения от христианства. В этом весь трагизм положения.

3

Все, что происходит сейчас в мире, родилось не из радостного творческого избытка, а из глубокого несчастья человека, из чувства безнадежного отчаяния. Это более всего нужно сказать про национально-социалистическое движение в Германии. Энтузиазм национал-социалистической молодежи, который, по-видимому, действительно существует, носит патологический характер и скорее напоминает вспрыскивание камфоры, чем весну народной жизни. Немецкий народ находится в состоянии коллективного безумия от пережитого унижения и несчастья. Но и русский коммунизм, явление другого рода, хотя и очень схожее в смысле социальной морфологии, не от радости и не от избытка сил родился, а от несчастья войны, от несправедливостей прошлого. Во всех революциях есть, в сущности, этот элемент пережитого несчастья и болезненного *ressentiment*[3], который искажает их образ. Масса вообще очень легко поддается внушению и приходит в состояние коллективной одержимости. Массы бывают одержимыми лишь идеями, которые допускают простую и элементарную символику. Стиль, характерный для нашего времени. Искание вождя, который поведет за собой массы и даст избавление, разрешит все вопросы, означает, что все классические авторитеты власти, авторитеты монархий и демократий пали и необходима замена их новыми авторитетами, порожденными коллективной одержимостью масс. Вождь должен дать хлеба и зрелищ. Он обыкновенно дает больше зрелищ, чем хлеба. Гитлер пока почти исключительно питает зрелищами, его политика есть постановка опер Р. Вагнера. Он, впрочем, питает также ненавистью. И поразительно, что ненависть может на некоторое время заменить хлеб, ею могут жить люди, хотя и не слишком долго. Зрелища преобладают над хлебом и в коммунистической России. И там также пробуют питать ненавистью, поэтому так необходим враг, так необходимы вредители. Расизм хуже коммунизма в том отношении, что в его идеологию входит вечная ненависть, коммунизм же утверждает ненависть как путь,

как метод борьбы, но конечный его идеал не предполагает ненависти. Искание вождя означает падение демократии и переход к цезаризму, явлению, уже знакомому в прошлом. Цезаризм - не классическая политическая форма, в нем есть элемент упадочности. Цезаризм всегда означает конец эпохи, неизбежность перехода к новому миру. Но-все, что сейчас происходит, есть более чем конец исторической эпохи, есть суд над историей. Именно в наше время настолько выявились результаты длительного исторического процесса, что стал возможен и неизбежен суд над историей, над ее неудачей. Эти результаты обнаружались в жизни национальной, политической и экономической, они обнаружались и в духовной культуре, в литературе, в философии, ибо и там пошатнулся образ человека, и там разлагается целостность человеческого существования. И над всем царствует только одна положительная, созидательная сила - сила техники. Человек переходит в новый космос. Все элементы нашего времени были уже в прошлом, но эти элементы обобщаются, универсализируются и окончательно выявляются. Именно в наши дни агонии мира остро чувствуется, что мы живем в падшем мире, разодранном непреодолимыми противоречиями. И замечательно, что сознание падшести мира сопровождается не усилением, а ослаблением сознания греховности. Сознание падшести мира очень сильно у Гейдеггера в его философии, или у Фрейда, или у Селина, автора замечательного романа "Voyage au bout de la nuit"*, но у них не видно сознания греховности. Падшесть мира открывается во всей современной литературе, в философской мысли, в жизни социальной и политической. Нет ничего более безумного, чем современная экономическая жизнь с ее кризисами, перепроизводством, безработицей, властью банков, властью бумажных фикций. Нет ни материальной, ни духовной безопасности жизни, нет больше ни для кого никаких гарантий. Обнаружилось, что мы живем в мире преступления и в мире фантазмов. Таков был мир и раньше, сейчас же это обнаружилось. Человек угрожаем со всех сторон и не знает, что будет завтра. Мыслители любят сейчас говорить о пограничном положении человека, об угрожаемости его со всех сторон (Тиллих, Ясперс). В этом нет ничего удивительного, ибо история, по-видимому, и не ставит себе задачи дать человеку гарантии его существования, сделать его жизнь защищенной. Она нуждалась в человеке, как в своем материале, но не признавала его своей целью. Ни в чем не выражается так падшесть мира, как в лживости нашей эпохи. Ложь перестает даже сознаваться как ложь, происходит перерождение сознания, при котором различие правды и лжи теряется. Мир переживает сейчас агонию, напоминающую конец мира античного. Но положение теперь еще более тяжелое, ибо тогда христианство вошло в мир как новая, молодая сила, теперь же христианство по человеческому своему возрасту старо, отяжелено длиной истории, в которой христиане много нагрешили и много совершили измен. И мы увидим, что суд над историей есть также и суд над христианством в истории. Молодежь всего мира ищет нового порядка, происходит мировая революция. Но не чувствуется радости рождения новой жизни. Тень легла на мир. Начался цикл исторических и космических катастроф и обвалов. Но именно для христиан это сознание не несет с собой отчаяния и не должно мешать осуществлять в жизни правду, служить истине. Происходит возврат к истокам и к глубине. Христианство не есть оптимизм, но пессимизм христианский может быть лишь относительным, ибо за миром бессмыслицы христианство прозревает смысл. Суд над историей есть голос смысла и предполагает смысл. Внутренний Апокалипсис истории есть изобличение последствий того, что в истории не осуществляется Царство Божье, т. е. Смысл. Принятие истории есть принятие и революций. Те, которые отвергают революцию как преступление, забывают, что история есть в значительной степени преступление. Если человек не хочет преступления, то он должен осуществлять Царство Божье.

[1] Маркс показал, как происходит овеществление людей и дегуманизация в капиталистическом обществе.

[2] См. мою новую книгу "Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения".

[3] злоба, злопамятство (фр.).

ГЛАВА II. Судьба человека в истории. Гуманизм и бестиализм. Дегуманизация. Противоречия свободы. Капитализм. Демократия. Коммунизм. Фашизм. Диктатура миросозерцания.

1

Основная тема нашей эпохи есть вместе с тем и основная тема истории тема о судьбе человека. То, что сейчас происходит в мире, не есть даже кризис гуманизма, - это тема второстепенная, а кризис человека. Ставится вопрос о том, будет ли то существо, которому принадлежит будущее, по-прежнему называться человеком. Мы присутствуем при процессе дегуманизации во всех областях культуры и общественной жизни. И прежде всего дегуманизируется моральное сознание. Человек перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще перестал быть ценностью. Молодежь всего мира, коммунистическая, фашистская, национал-социалистическая и просто увлеченная техникой и спортом, настроена не только антигуманистически, но часто и античеловечно. Значит ли это, что мы должны защищать против нее старый гуманизм? Я много писал о кризисе гуманизма и старался показать, что он фатально переходит в антигуманизм, что предел его - отрицание человека. Гуманизм стал бессилён и должен быть преодолен. Гуманизм, связанный с возрождением античности, хрупок, его расцвет предполагает аристократическое строение общества, и ему наносит страшные удары демократия, вторжение в культуру масс и власть техники. Машина дегуманизирует человеческую жизнь. Человек, не пожелавший быть образом и подобием Божьим, делается образом и подобием машины. Гуманизм, демократизированный начиная с XVIII века, идет по пути подчинения человека обществу, социальной обиденности, обобществляет человека, гуманизм теряет себя. Демократизированный и обобществленный гуманизм перестает быть внимателен к человеку, он интересуется устройством общества, но не интересуется внутренней жизнью человека. Таков фатальный процесс. Поэтому гуманизм не может быть силой, способной противостоять процессу дегуманизации. От гуманизма, как торжества середины человечности, возможно движение в два противоположных направления - вверх и вниз, к богочеловечности и богозвериности. Движение к сверхчеловечеству и сверхчеловеку, к сверхчеловеческой силе слишком часто означает не что иное, как бестиализацию. Современный антигуманизм принимает формы бестиализма. Но гуманизм лучше бестиализма. Несчастливым и трагическим Ницше пользуется для возвышенного оправдания дегуманизации и бестиализации (*blonde Bestia*[1]). К богочеловечеству, к подлинному сверхчеловечеству идут немногие, к бестиализму, к богозвериности идут многие. Нашему времени свойственна бестиальная жестокость к человеку, и она поразительна тем, что она обнаруживается на вершинах рафинированной человечности, когда новая сострадательность, казалось бы, сделала невозможными старые формы варварской жестокости. Бестиализм есть варварство внутри уже утончившейся цивилизации, это совсем не есть старое натуральное, здоровое варварство. Тут атавизм варварских инстинктов преломлен в цивилизации и потому имеет патологический характер. Бестиализм есть явление человеческого мира и мира уже цивилизованного. Его не существует в животном мире, который принадлежит к другой иерархической ступени бытия, имеет свое оправдание и назначение. Животное стоит много выше бестиализированного человека. Поэтому мы и говорим о падшести человека. Именно бестиализм сейчас ставится выше гуманизма, именно к нему призывают перейти от гуманизма. Но бестиализм, во всяком случае, хуже и ниже гуманизма, хотя гуманизм и бессилён ему противиться. Бестиализм нашего времени есть порождение войны, крови войны, есть отравленность кровью войны. Мораль войны стала моралью "мирной" жизни, которая в сущности есть продолжение войны, войны всех против всех. Согласно этой морали, все стало дозволенным, с человеком можно как угодно обращаться для достижения нечеловеческих и противочеловеческих целей. Бестиализм есть отрицание ценности человеческого лица, всякого человеческого лица, есть отрицание всякой сострадательности к человеческой участи. Гуманизм новой истории кончается. Это неотвратимо. Но конец гуманизма считается также концом человечности. Это и есть моральная катастрофа. Мы

вступаем в бесчеловечное царство, царство бесчеловечности, бесчеловечности не фактической только, которая всегда была велика, а принципиальной. Бесчеловечность стала представляться возвышенной, окруженной ореолом героизма. Против человека стоит класс или раса, обоготворенный коллектив или государство. Современный национализм несет на себе черты бестиальной бесчеловечности. Не всякий человек признается человеком, ценностью, образом и подобием Божиим. Слишком часто самое христианство толковали как бесчеловечное. "Арийский параграф", предложенный христианству, есть проект новой формы бесчеловечности в христианстве. Но это не так уже ново. Слишком часто христианство, т. е. христианское человечество, было бесчеловечно в прошлом. Но бестиализм старый, наивный, варварский, инстинктивный не имел о себе сознания, он был досознательный, бестиализм же современный сознательный, надуманный, прошедший через рефлексию и через цивилизацию, самооправданный. Бесчеловечности современного национализма противостоит бесчеловечность современного коммунизма. Он также не всякого человека считает человеком, ценностью, образом и подобием Божиим. С классовым врагом можно поступать как угодно. Мы еще вернемся к этой теме и увидим, что национализм и расизм по принципу хуже коммунизма.

Образ человека может еще не раскрыться, человек может быть как бы в потенциальном состоянии. Так бывало в прошлом. Но сейчас совсем другое. Образ человека пошатнулся и начал разлагаться после того, как он раскрылся. Это происходит сейчас во всех сферах. Дегуманизация проникла во все сферы человеческого творчества. Оказалось, что самобоготворение человека ведет к дегуманизации. Это есть, конечно, крушение гуманистической теории прогресса. Судьба человека безмерно сложнее, чем думали в XIX веке. Вновь образующийся мир движется иными ценностями, чем ценность человека, человеческого лица, чем ценность истины, - ценностями могущества, техники, расы, национальности, государства, класса, коллектива. Воля к правде побеждается волей могуществу. Диалектика этого процесса очень тонка. Человек хочет могущества, собственного могущества, но это ведет к тому, что могущество он ставит выше себя, выше человека, что во имя своего могущества он готов пожертвовать своим человеческим. Могущество объективизируется и отвлекается от человеческого существования. Ценность могущества техники, могущества государства, могущества расы, могущества класса бестиализирует человека, во имя этих могуществ допускается какое угодно обращение с человеком. Было бы ошибочно думать, что современный бестиализм и связанная с ним дегуманизация основаны на торжестве голых инстинктов и аффектов и на отрицании всех ценностей, которые сознаются как идеальные. Современный бестиализм и дегуманизация опираются на идолатрию, на идолопоклонническое отношение к технике, расе, классу, государству, производству и пр. и на обращение атавистических инстинктов на служение им. Мы уже говорили, что современное варварство есть цивилизованное варварство. Война пробудила древние инстинкты - расовые, национальные, инстинкты власти и насилия, инстинкты мести, но эти инстинкты осуществляются в формах технической цивилизации. В сущности, сейчас происходит возврат человеческих масс к древнему коллективизму, с которого началась человеческая история, к состоянию, предшествующему образованию личности, но этот древний коллективизм принимает цивилизованные формы, пользуется техническими орудиями цивилизации. Кейзерлинг понимает происходящую "мировую революцию" как восстание теллурических сил, восстание Земли против Духа. Но теллурические силы натуральны, космичны, сейчас же эти силы проходят через техническую цивилизацию. В современных течениях чувствуется сейчас очень сильное влияние двух мыслителей XIX века - Маркса и Ницше, которые обозначают срыв и конец гуманизма. Маркс и Ницше борются между собой и разделяют мир. Несомненно влияние Ницше на фашизм и национал-социализм, на современный апофеоз могущественных вождей, на выработку жесткого, лишенного сострадания типа молодежи. Сам Ницше, одинокий аристократический мыслитель, наверное, в ужасе отвернулся бы от социальных последствий своей проповеди. Ницше совсем не любил идеи пангерманизма, не был немецким

националистом и, вероятно, испытал бы содрогание отвращения от современного плебейского духа, лишённого всякого благородства. Но влияние действует в подземной и подсознательной сфере и часто пробуждает такого рода силы, которых не имел в виду пробуждать творец, оказавший влияние. Историческое влияние Лютера тоже ведь пошло совсем не в том направлении, в каком он предполагал оказать влияние, он никак не предполагал, что протестантизм станет рационалистическим и моралистическим. Влияние Маркса на коммунизм гораздо более по видимости прямое, но русская коммунистическая революция, наверное, очень изумила бы Маркса, ибо совершенно противоречит его учению и даже опровергает его. Сейчас Маркс и Ницше влияют в направлении дегуманизации общества и культуры. И эта дегуманизация есть вместе с тем дехристианизация. Консервативно мыслящие и чувствующие христиане совсем не заметили, насколько дегуманизация есть дехристианизация.

Они склонны думать, что гуманизм был дехристианизацией, дегуманизацию же они как будто бы не связывают с тем, что в человеке пошатнулся образ и подобие Божье и человек теряет сознание богосыновности, открытое ему христианством.

В культурных и идейных течениях нашей эпохи дегуманизация идет в двух направлениях - в сторону натурализма и в сторону техницизма. Человек подчиняется или космическим силам, или технической цивилизации. Мало сказать, что он подчиняется, он растворяется и исчезает или в космической жизни, или во всемогущей технике, он принимает или образ и подобие природы, или образ и подобие машины. Но и в том, и в другом случае он теряет свой образ и разлагается на элементы. Исчезает человек как целостное существо, как существо внутренне центрированное, духовно сосредоточенное, сохраняющее связь и единство. Дробные и частичные элементы человека предъявляют права не только на автономию, но и на верховное значение в жизни. Самоутверждение этих разорванных элементов в человеке, например не сублимированных элементов подсознательного, сексуального влечения или воли к преобладанию и могуществу, свидетельствуют о том, что целостный образ человека исчезает и уступает место нечеловеческим природным элементам. Человека нет, есть лишь функции человека. Но это распадение человека на те или иные функции есть прежде всего порождение Технической цивилизации. Наибольшей остроты достигает процесс дегуманизации в современной технике войны, которая более не нуждается в человеческой доблести. Техническая цивилизация требует от человека выполнения той или иной функции, и она не хочет знать человека, она знает лишь функции. Это есть не растворение человека в природе, а уподобление человека машине. Когда цивилизованный человек тяготеет к природе, то он хочет вернуться к целостности и бессознательности, так как сознание разложило его и сделало несчастным. Это есть романтизм. В этом отношении очень сейчас характерен Клагес. Когда человек стремится к совершенному исполнению технических функций, когда уподобляет себя новому богу - машине, то это тенденция обратная, не к целостности, а к дифференциации все большей и большей. Но человек исчезает и в той и в другой тенденции, обе тенденции дегуманизируют. Человек не может быть ни образом природы, ни образом машины. Человек - образ и подобие Божье. И то образование человека как целостного существа, как личности, которое началось в мире библейском и мире греческом, окончательно завершилось лишь в христианстве. Сейчас происходит как бы обратный космический процесс, не только против христианства, но и против Библии, и против греческой культуры. Современный неоклассицизм есть мертвящий формализм, и он бессилён.

Процесс дегуманизации очень силен в современной литературе, в современном романе. Если взять двух самых замечательных французских писателей последней эпохи - Пруста и Андре Жида, то не может не броситься в глаза, что у них человек разлагается, у них нет целостного образа человека, а есть лишь элементы ощущений, *sensations*, и состояний интеллектуальных и рассудочных. Прежде всего исчезает сердце как целостный и центральный орган человеческого существа, как носитель человеческих чувств. Человек печалится и даже приходит в отчаяние От этого исчезновения целостного человеческого

существа, но он бессилён удержать его. Иногда он даже радуется от собственного исчезновения. В романе нет больше богатства человеческих типов, многообразия человеческого мира, а лишь клочья и элементы того существа, которое раньше именовалось человеком. Современный психологический роман, талантливый и утонченный, занят анализом подсознательного, погружается в плавучий мир ощущений, страшно усложненный интеллектуальностью. Человека разлагает и власть подсознательного, и рассудочность. У современных романистов, наиболее талантливых, почти совершенно отсутствует творческая фантазия, они или погружены в себя, или изображают злую действительность, которой подавлены. Так подавлен этой злой действительностью, например, Селин. Но творческий дар преобразования исчезает из искусства. Сравнительно редки романы, погружающие в метафизическую и мистическую глубину, как, например, у Жуандо, но тогда они подавлены демониакальными силами, чего не было у Достоевского, который во всяком человеке видел образ и подобие Божье, видел свет на самом дне тьмы. У Мальро человек исчезает в инстинктах садизма. У Лавренса человек, как целостное существо, исчезает в мистической стихии пола, человек есть функция пола, а не пол функция человека. Это не есть порнография, это отражение все того же мирового процесса дегуманизации, выраженное с большим талантом. У Гексли отражается разнообразный человеческий мир, но это мир совершенно разлагающийся, в котором трудно найти образ человека. Сравните современный роман, например, с Диккенсом. Поражает пройденный путь, как будто произошла космическая катастрофа. У Диккенса - богатый и разнообразный человеческий мир, мир человеческих образов и типов, огромная сила творческой фантазии. Человек сохраняется, имеет свой образ, даже когда он дурной и смешной. В гениальном сатирико-юмористическом произведении "Записки Пиквикского клуба", в котором есть что-то от Сервантеса, чисто человеческий мир еще сохраняется, есть человеческий образ. Также поражает различие, если сравнить современный роман с Бальзаком или Л. Толстым. В творчестве Толстого есть сильный космический элемент, но в этой космической стихии сохраняется многообразный человеческий мир, еще не разложившийся. Сейчас ничего подобного уже найти нельзя. Но в современном романе есть большая правда о человеке, правда о том, что происходит с человеком.

В современной науке тоже происходит процесс дегуманизации в том смысле, что она открывает сферы природной жизни, не связанные уже с привычной для человека природной средой. Физика открывает неслышимый звук и невидимый свет. И технические результаты современной физики переносят человека в эту непривычную, не гуманизованную космическую среду. Физика гордится своей совершенной эксцентричностью по отношению к человеку. С великими открытиями современной физики связаны головокружительные успехи техники. Что современная техника дегуманизирует человеческую жизнь и превращает человека в техническую функцию, это слишком ясно, и все начинают это признавать[2]. Вопрос о процессах дегуманизации в философской мысли более сложен. Процесс дегуманизации давно происходил в философии, - он был в эмпиризме, в идеализме, в позитивизме, в философском натурализме и материализме. Но современная творческая философия есть вместе с тем реакция против этих процессов. Философия всегда искала смысла, она не могла примириться с бессмыслицей. Поэтому философия ставит острее, чем прежде, проблему человека и человеческого существования. Экзистенциальная философия хочет раскрыть структуру бытия в человеческом существовании. Но и тут целостный образ человека исчезает. В этом отношении наиболее интересен Гейдеггер. Бытие как забота, страх, обыденность, смерть есть бытие, раскрывшееся в падшем и несчастном человеческом существовании. Но за заботой, страхом, обыденностью, смертью исчезает самый человек. Забота оказывается глубже человека. Человек из заботы конструируется, как из смерти конструируется человеческое существование. Философия Гейдеггера есть философия ничто. Ничто ничтоствует. Это - онтология ничто как последней тайны бытия, философия отчаяния, абсолютный пессимизм. Характерная для нашей эпохи философия. Те же мотивы можно найти и у Яспера, хотя в более смягченной форме. Меланхолический и трагический

Киркегардт влияет на современную философию в направлении онтологии нигилизма, чего у самого Киркегардта не было. Погружение в человеческое существование открывает не человека, а разложение и гибель человека. Поскольку у Фрейда есть метафизика, это есть метафизика смерти и ничто. Власть сексуального инстинкта противопоставляется лишь инстинкту смерти, как более возвышенный. Но процесс дегуманизации можно найти и в современной религиозной и богословской мысли Европы, хотя там он имеет другой смысл. К. Барт и диалектическая теология есть дегуманизация христианства. Это направление открывает в тварном мире лишь грех, ничтожество и бессилие. Остается горячая вера в Бога, но в Бога абсолютно трансцендентного, отделенного от мира и человека бездной. В человеке разрушен образ и подобие Божье. Слово Божье - единственная связь между Богом и тварью, и человеку остается только слушать слово Божье. Тут Киркегардт влияет в другом направлении. Мир и человек у К. Барта так же обезбожены, как у Гейдеггера, но у него есть Бог. Это есть страстная реакция против гуманизма в христианстве, которая перешла в унижение и отрицание человека. Томизм, столь сильный в мире католическом, хочет сохранить равновесие и латинскую меру, он остается оптимистическим и в нем есть элементы старого гуманизма, идущего еще от средневекового возрождения. В томизме человек не отрицается, но умаляется и унижается, он рассматривается как существо незначительное, не обладающее настоящей свободой и способностью к творчеству, существо второго сорта. Томизм есть также реакция против христианского гуманизма нового времени. Элемент дегуманизации есть и в нем, он скрыт за борьбой против всякого модернизма в религиозной и философской мысли. Но наиболее сильны процессы дегуманизации в жизни современных обществ и государств.

2

Свобода в социальной жизни представляет собой парадокс и порождает целый ряд противоречий. Мы и живем в эпоху обострения и обнаружения противоречий свободы. Свобода политическая, свобода экономическая переживает упадочные формы. Принципы, которые почитались охраняющими свободу, выветрились и ныне не вдохновляют. Изжиты принципы французской революции. Молодежь не увлекает уже ни идеология либерализма, ни идеология демократии. Формальная парламентская демократия себя скомпрометировала, и она бессильна социально реформировать общество, в ней обнаруживается страшная сила инерции. Свобода духа есть священный символ, ее значение не может быть связано с временными и преходящими формами той или иной эпохи. Но свобода в жизни социальной, политической и даже культурной перестает вдохновлять, она опустылела, в нее перестали верить. Мы живем в эпоху декаданса свободы. Свобода изолгалась. Она стала принципом консервативным и нередко прикрывает рабство человека. Формальное понимание свободы привело к реальной несвободе. Свобода провозглашена, но не может быть реализована огромной частью человечества. Особенно экономическая свобода оказалась издевательством над реальной свободой человека. Потеряли всякий кредит также права человека и гражданина. Они ассоциируются с атомистическим мировоззрением XVIII века, с французской революцией, с индивидуализмом, с выдохшимся либерализмом, с разлагающимися формами демократии. Между тем как, если есть вечное начало в демократии, то оно, конечно, связано не с идеей верховенства нации, а с идеей субъективных прав человеческой личности, со свободой духовной жизни, свободой совести, мысли, слова, творчества. Эта идея неотъемлемых субъективных прав человеческой личности восходит не к Руссо и не к якобинцам французской революции, а к христианству и к движениям, связанным с Реформацией. Но идея прав человека и гражданина была искажена и извращена в буржуазно-капиталистических обществах XIX и XX веков, вышедших из французской революции, она искажена в формальной буржуазной демократии. И это связано с первоосновами мирозерцания. Испанский философ Ортега очень остроумно говорит, что идея либерализма как свободы личности от власти государства и общества коренится совсем не во французской революции и не в принципах демократии, а в феодализме, в средневековом замке, который средневековый рыцарь защищал с оружием в руках. В этом

есть очень большая доля истины. Личность должна защищать себя от абсолютной власти государства и общества. Обыкновенно не понимают, что вся глубина проблемы не в достижении такой организации общества и государства, при которой общество и государство давало бы свободу человеческой личности, а в утверждении свободы человеческой личности от неограниченной власти общества и государства. Это значит, что истинная свобода человеческой личности имеет духовный, а не социальный источник, она определяется ее вкорененностью в духовном мире, а не вкорененностью в мире социальном. Мироззрение социологического позитивизма, провозглашающее общество верховной реальностью и источником всей жизни человека, не может обосновать свободы. Между тем как европейские демократии покоятся именно на таком социологическом позитивизме. Дюркгейм был глашатаем настоящей социологической религии. Провозглашение прав человека и гражданина было провозглашением прав гражданина, члена общества и государства, а не прав человека как целостного существа, как свободного духа. Человек как гражданин задавил и закрыл, с одной стороны, человека как свободного духа, принадлежащего к иному порядку бытия, с другой стороны, человека как производителя, как трудящегося, - не было провозглашено право каждого человека на достойное существование и на труд. Противоречия и лживые последствия провозглашения прав и свобод гражданина в буржуазных обществах вызвали реакцию против самой идеи прав и свободы человеческой личности. Права гражданина остались в сфере исключительно формально-политической и не были перенесены на сферу экономическую, где свобода труда в капиталистическом режиме была издевательством над реальной свободой человека. Свобода оказалась защитой прав сильного и делала беззащитным слабого. Это есть один из парадоксов свободы в социальной жизни. Свобода оказалась свободой для себя и рабством для других. Но по-настоящему любит свободу не тот, кто хочет ее для себя и своих, но тот, кто хочет ее также для другого и других. Свобода стала охранением прав привилегированного меньшинства, охранением капиталистической собственности и власти денег. Огромные массы трудящихся не знали свободы. Право быть избирателем в парламент есть издевательство над бедственным положением и рабством огромной массы людей. Свобода создала величайшие неравенства. И ее перестали любить, когда человеческие массы сознали свое право на более достойное и более активное существование. Свобода в формальных демократиях стала препятствием для социального изменения общества. И захотели диктатуры для радикального реформирования общества. Динамическая свобода не есть формальная свобода выбора, динамическая свобода предполагает уже сделанный выбор истины.

Реакция против вырождения свободы в либеральных демократиях превратилась и в реакцию против вечной истины о свободе человеческого духа. Сами либеральные демократии не знали духовных основ свободы, их не хотят знать и движения, против них направленные. Либерализм отделил гражданина от целостного человека. Он также оторвал права от обязанностей. Но при более глубоком понимании свобода есть не только право, она есть также и обязанность. Человек имеет возложенную на него Богом обязанность быть свободным, блюсти свободу духа, хотя бы она была тяжела, порождала страдания и требовала бы жертвы. И человек обязан уважать и соблюдать свободу другого человеку, а не только свою. Любителей собственной свободы слишком много на свете. Свою свободу любят и коммунисты, и фашисты, и национал-социалисты, и все одержимые волей к могуществу. Чужую же свободу отрицают. Окостенение свободы в либеральных демократиях произошло именно от того, что свобода понималась исключительно индивидуалистически (не персоналистически) и часто означала "оставь меня в покое". Свобода означала замыкание в себя, в своей семье, в своих индивидуалистических экономических интересах, в своей лавке, в своем предприятии. Свобода, как ее понимают в современной Франции, стала консервативным принципом, защитой status quo. При таком понимании свободы всякое сколько-нибудь радикальное изменение общества должно восприниматься как насилие.

Свобода есть вечное начало человеческого духа, дух и есть свобода. Свобода есть

вечное начало человеческого общения, подлинное общение только и может быть свободным. Но невозможно связывать вечное начало свободы с преходящими политическими формами, например с либерализмом и демократией. Проблема свободы безмерно глубже проблемы либерализма, и в либерализме она не имеет прочного обоснования. Демократия же по своему принципу подчиняет личность верховенству нации. Вот почему либерально-демократические принципы бессильны защищать свободу против современных на нее посягательств, коммунистических или фашистских. Формальный либерализм, равнодушный к истине, индивидуализм, приведший к страшным неравенствам и несправедливостям, создали для свободы отталкивающие и тягостные ассоциации. Свободу нельзя понимать только отрицательно и формально, ее нужно понимать положительно и содержательно. Свобода должна быть спасена соединением с Истиной, она не может быть спасена равнодушием к Истине. Познаете Истину, и Истина сделает вас свободными. Век скептической свободы кончается, начинается новый век. При положительном понимании свобода связана с творчеством, она есть творческая энергия. Свобода есть не только свобода выбора, но и самый выбор. Свобода не может быть лишь формальной защитой себя, она должна вести к положительному творческому акту. Неизбежен переход от формальной свободы, через которую каждый охраняет и защищает себя, к свободе реальной, через которую творчески преобразуется человеческое общение и человеческое общество. Но переход к реальной и творческой свободе означает прежде всего права не гражданина как отвлеченного существа, а человека как конкретного и целостного существа, как существа, вкорененного в духовном порядке. Переход к реальной свободе означает также провозглашение прав производителя, трудящегося. Завоевание реальной свободы всякого производителя, трудящегося есть преодоление того социального строя, который был основан на так называемой* "экономической свободе", которая делала человека человеку всяком. Это говорит о том, что свобода в жизни социальной есть парадокс, она легко переходит в свою противоположность, легко вырождается и становится условной ложью. Современные течения, которые стоят под знаком кризиса свободы, это чувствуют. Социалисты давно уже критиковали формальную свободу в либеральных демократиях и отказывались видеть в них гарантии реальной свободы трудящихся. Современные течения, даже очень враждебные социализму, очень многое у него заимствуют, не говоря этого. В либерально-демократических государствах развивается жажда наживы, поклонение золотому тельцу, бесчестность и подкупность. В государствах диктаториальных, фашистских или коммунистических развивается жажда власти и насилия, кровожадность и жестокость.

Характерный для нашей эпохи кризис свободы и декаданс свободы ставит в большей глубине проблему свободы для социальной философии. Но проблема совсем не сознается в этой глубине людьми, уносимыми потоком времени. Она не сознавалась раньше и теми, которые считали себя защитниками свободы. В борьбе стареющего либерализма и сторонников авторитарного государства глубина свободы отсутствует в обоих лагерях. Либерализм есть исключительно общественное миросозерцание, либералы - общественники, и свобода означает у них такую политическую организацию общества, при которой общество наделяет своих граждан субъективными правами. Либерализм есть одноплановое миросозерцание, оно не видит, что человек принадлежит к двум планам бытия. Эта двупланность человеческого существования означает, что существует не только свобода в обществе, но и свобода от общества, свобода совсем не в обществе, имеющая свой источник. Так называемые субъективные права человека совсем не в обществе имеют свой источник. Свобода духа не зависит ни от какой организации общества. Свобода есть граница власти общества над личностью, государства над человеком, граница, определяющаяся не той или иной организацией общества и государства, а принадлежностью человека к иному плану бытия, к царству духа. Свобода есть дух, и дух есть свобода, но именно поэтому свобода умалется и ущемляется по мере нисхождения к материальному плану жизни. Максимальная свобода существует для духовной жизни, для человеческой мысли и совести, для интимной жизни личности. Уже свобода в жизни политической есть свобода умаленная и ущемленная.

И минимальная свобода должна была бы быть в жизни экономической, ибо она ближе всего к материи и дальше всего от духа. От экономики зависит самая возможность человеческой жизни на земле, и, казалось бы, недопустимо предоставлять произволу то, что может обречь людей на голодную смерть. И в жизни отдельного человека есть большая свобода в жизни духовной и меньшая свобода в жизни физиологической. Материя должна быть организована, ей нельзя предоставить той свободы, которая оказывается там произволом. Но извращение иерархии ценностей в человеческой жизни так велико, что духу не давали свободы, материи же предоставляли свободу. Экономике предоставлена была свобода, и большая свобода, когда еще отрицали свободу мысли и слова, свободу духа и творчества. Материя, материальные аппетиты и вожделения бесчинствовали, эксплуатировали и утесняли слабых и зависимых, дух же был задавлен и удушаем. Это, конечно, разительный показатель падшести мира. Сейчас хотят организовать материю, регулировать экономику, но хотят также перенести на дух методы организации и регуляции материальной, экономической жизни. С духом обращаются как с материей. В этом ужас нашей эпохи. Это ведет к диктатуре мирозерцания как диктатуре над духом. Это одинаково проявляется в коммунизме, в фашизме и более всего в национал-социализме. Это есть монизм, в котором на дух переносится то, что применимо лишь к материи. Это есть или открытый материализм, или материализм прикрытый. Но те, которые защищают свободу против диктатуры мировоззрения, гораздо более интересуются свободой своих материальных аппетитов, чем свободой духа, свободой совести. И это еще более компрометирует свободу. Человек сводится к однопланному существованию, и это однопланное существование организуется одним методом. В этой организованной однопланности материя всегда побеждает дух. Такая тираническая однопланность, втискивающая человека в один социализированный порядок бытия, начинается не с современного коммунизма и фашизма, примеры ее даны были гораздо раньше. Прежде всего, эта однопланность существовала во всех старых теократических системах, которые видели теофании в относительных социальных формах, в исторически преходящем. Это ясно видно и всеми почти признается. Но замечательно, что та же однопланность, которая приводит к пленению духа и к тирании, хотя бы замаскированной и прикрытой, была и в идеологии демократии, у Ж. Ж. Руссо, в якобинстве. Никаких границ, охраняющих свободу личности, независимость духа, якобинская демократия не знает. Руссо не признавал свободу совести, был сторонником обязательной гражданской религии и предлагал изгнать христиан из совершенной республики. Это новая форма того же принципа, что в утопии Платона, что в средневековой теократии. Якобинская демократия тоже берет на себя организацию духа теми методами, которыми можно организовывать лишь материю. Демократия тоже оборачивается своеобразным этатизмом, абсолютизацией государства. В современной Франции есть значительная свобода, связанная со всей культурой французского народа, с уважением к достоинству человеческой личности. Но господствующая во Франции радикальная партия, которая связывает себя с якобинской традицией, тоже утверждает одну из форм этатизма, она есть партия определенного мирозерцания и хочет, чтобы государство воспитывало народ в определенном мирозерцании. Это есть также идеократия, мягкая и прикрытая форма диктатуры мирозерцания. И так всегда будет при признании однопланности человеческого существования, при признании человека существом исключительно социальным и детерминированным исключительно обществом и государством, т. е. при отрицании самобытности и самостоятельности духовного плана бытия. Именно христианство открывает и утверждает двухпланность человеческого существования, принадлежность человека к двум планам бытия, к духовному и природно-социальному, к Царству Божьему и царству кесаря, к царству свободы и царству необходимости, и несводимость одного плана на другой. Но мы живем в эпоху, когда отказываются от христианского откровения и от свободы духа и отдают человека во власть соблазнов Великого Инквизитора. Этими соблазнами соблазнялось и христианство, но именно сейчас христианство очищается и освобождается от этих соблазнов, мир же внехристианский целиком находится во власти этих соблазнов. Все так смешалось и

переплелось, все так двоится, что нужна большая ясность духа и зоркость, чтобы верно различить образы, которые являет современный мир. Одним из самых соблазнительных современных смещений и двоений является защита угрожаемой со всех сторон свободы сторонниками буржуазно-капиталистического мира. Но при самой большой гражданской и политической свободе люди могут быть лишены свободы духа и совести, свободы творчества, могут быть лишены личности и оригинальности в смысле причастности к первоистокам жизни. Люди могут быть в экономическом рабстве, быть лишены экономической свободы, если под экономической свободой понимать не свободу продавать свой труд как товар, не свободу эксплуатировать своих близких и оставлять огромную массу людей в нужде, нищете и горькой зависимости, а свободу реализовать достойное человеческое существование. В капиталистическом мире свобода была привилегией немногих, но и для немногих сомнительной привилегией, так как существование привилегированных угнетателей также было угнетенным, сдавленным, кошмарным существованием. Кризис капитализма представляется кризисом свободы. Но поистине свобода лживая и фиктивная должна быть низвергнута. Ее низвержение может быть очистительным путем к истинной и реальной свободе. Мир сдавлен сейчас между разлагающейся, лживой и упадочной свободой и полным отрицанием свободы, диктатурой мирозерцания, диктатурой над духом. И эта диктатура мирозерцания отличается от старого средневековья тем, что тогда действительно было цельное, органическое, грандиозное мирозерцание, сейчас же мирозерцание сколочено на скорую руку, не продумано и лишено всякой глубины. "Мировоззрение" сейчас есть условные символы и мифы, при помощи которых демагогически управляют массами. Таково положение современного мира.

Свобода труда, провозглашенная в обществах XIX и XX веков, сначала была эксплуатацией труда, ныне же она превратилась в свободу безработных. Свобода безработных есть выражение противоречивости и парадоксальности свободы в социальной жизни. Маркс не предвидел этих результатов индустриально-капиталистического развития. Он представлял себе, что количество рабочих будет автоматически возрастать в капиталистическом обществе. Пролетариат будет делаться все более и более многочисленным, будет объединенной и дисциплинированной силой, которая призвана создать новое, социалистическое общество. Он заметил зло эксплуатации рабочих, но не заметил зла превращения их в безработных. В действительности в результате технизации и рационализации промышленности количество рабочих уменьшается, человеческий труд заменяется машиной, возрастает не количество рабочих, а количество разнообразных служащих промышленной бюрократии. Это меняет всю перспективу. Труд никогда не был свободен. Человеческое общество и культура всегда покоились на порабощении трудящихся. Труд, тяжелый материальный труд, есть библейское проклятие. Труд был сначала рабским, потом крепостным, был "свободным" в обществе капиталистическом в смысле превращения его в товар, который "свободно" продается под угрозой голодной смерти, и даже в примере общества коммунистического в Советской России он превращается в крепостной в смысле закрепощенности его государству, которое в лице коммунистической бюрократии его жестоко эксплуатирует. Новая форма порабощения труда возникает в современных авторитарных государствах, основанных на диктатуре мирозерцания. Это есть процесс уравнивательный. Социальная среда делается более унифицированной. Но в этой унифицированной среде личность еще более подавлена, чем в среде дифференцированной. Верховной ценностью провозглашается не живая личность рабочего, не его благо, не право самих трудящихся, а ценность государства и социального коллектива, его сила. Орудия производства передаются совсем не производителям, как говорил Маркс, а государству коммунистического или фашистского типа. Государство признается субъектом, человек же признается объектом. Это есть крайняя форма объективизации человеческого существования, при котором человек выброшен вовне и за его внутренним существованием не признается никакой цены. Процесс социализации хозяйственной жизни, который есть

необходимый и справедливый процесс, переходит в социализацию всего целостного человека, т. е. в подчинение человека обществу в самой сокровенной и интимной его жизни. Но это есть процесс совершенно обратный возникновению истинного братского общения между людьми, общения личностей, общения "я" и "ты". Все люди превращены в объекты, в объекты организации. Кризис свободы переходит в кризис человека, отрицание свободы в отрицание человека. Процесс справедливого уравнивания людей может ведь происходить в прямо противоположных направлениях. Или может быть провозглашено достоинство, ценность и свобода каждого человека, каждого человеческого существа, потому что в нем есть образ и подобие Божье, или может быть одинаково отрицаемо достоинство, ценность и свобода всех людей, у всех людей может отрицаться образ и подобие Божье. Можно или на всех людей распространить "привилегии дворянства", всех людей возвести в дворянское достоинство, так как впервые за дворянством было признано человеческое достоинство, или всех людей лишить этого дворянского достоинства и всех людей превратить в закрепощенных пролетариев, т. е. можно мыслить или всеобщую аристократизацию человеческих обществ, или всеобщую их демократизацию, всеобщую нивелировку и вообще понимание человеческого качества. Сейчас происходит процесс уравнивания и нивелировки во втором направлении. И потому проблема общества есть прежде всего проблема о человеке. Проблема антропологическая глубже проблемы социологической.

С эпохи Ренессанса была провозглашена свобода человеческой мысли. Но диалектика этого эмансипационного процесса привела к тому, что свобода мысли превратилась в "свободомыслие". "Свободомыслие" становится новой догматикой и не есть уже свобода мысли. "Свободомыслие" оказывается утеснением духовной жизни человека и даже отрицанием ее. Свободная мысль может утверждать совсем не "свободомыслие", она может утверждать и христианскую истину. Эмансипация не была освобождением целостного человека, самого человека, она была освобождением мысли как сферы, отвлеченной от человеческого существования, была провозглашением автономии мысли, а не автономией самого человека. Эта автономия была провозглашена во всех сферах общественной жизни и культуры. И во всех сферах она означала отвлечение от целостного человека и целостного человеческого существования разных сторон культуры и общественной жизни. Автономия хозяйственной жизни, например, создала роковую фигуру "экономического человека", который не есть человек. Кризис и упадок свободы мысли связан с тем, что в ней не столько мысль человека освобождена, сколько мысль освобождена от человека, стала автономной. Эта автономия совсем не есть свобода. Автономия нравственного закона тоже не есть свобода человека. Тут заложены были уже основы тех процессов, которые происходят теперь. Автономия мысли, превратившаяся в догматику свободомыслия, автономия хозяйства, превратившаяся в капитализм, автономия морали, превратившаяся в бездушное законничество, забывает в самом человеке, о целостном человеке. И современному отрицанию свободы и отрицанию человека невозможно противопоставлять автономную мысль, автономную мораль, автономное хозяйство и пр., ибо все эти автономии и привели к современному отрицанию свободы и человека. Всем этим процессам можно противопоставить лишь целостного человека, укорененного в духовном порядке бытия. Человек должен провозгласить не формальную, а реальную свободу, свободу самого содержания человеческого существования. Это есть борьба за человеческое качество, за человеческое достоинство, за аристократизацию. С этим связано глубокое различие в понимании свободы в либерализме и христианстве. Либерализм требует формальной свободы, равнодушной к истине и к содержанию человеческой жизни. Христианство же требует свободы как содержания самой христианской истины, как качественного содержания человеческой жизни. И это одинаково распространяется и на мысль, и на культурное творчество, и на жизнь социальную и экономическую. Автономия хозяйственной жизни в капитализме была такой же дегуманизацией, как и автономия мысли в скептическом "свободомыслии".

Формальный либерализм в мысли привел к свободомыслию и скептицизму.

Скептицизм привел к распаду и разложению. Распад и разложение приводят к требованиям диктатуры и диктатора, не только к диктатуре политической и хозяйственной, но и к диктатуре миросозерцания, к диктатуре над духом, к отрицанию свободы духа. Само по себе искание диктатора и вождя заключает в себе и здоровый элемент, оно связано с тем значением, которое имеет в политической жизни единоличное начало, т. е. люди творческой инициативы, люди сильные, берущие ответственность на себя. Без такого единоличного Начала невозможны никакие реформы. Демократическое начало само по себе делается инертным и консервативным, оно неизбежно должно быть сочетаемо с элементом аристократическим и монархическим, понимая под монархическим не монархию, а единоличность в форме президента с сильной властью или вождя. Это менее всего предполагает диктатуру миросозерцания. Поразительно, что современная диктатура миросозерцания совсем не связана непременно с реальным духовным единством, с действительно существующим миросозерцанием, которым бы массы были так глубоко проникнуты, как они были в прошлом проникнуты христианскими верованиями. Единство миросозерцания декретируется государственной властью. Авторитет государства должен создавать духовное единство, унифицировать весь свой человеческий состав. Смешно думать, что народные массы в России проникнуты теорией Маркса или в Германии теорией Гобино и Чемберлена о расах. Диктаторской власти приходится создавать единство миросозерцания. В этом отношении коммунизм в лучшем положении, потому что марксистское мировоззрение существует и представляет систему. Фашизм в худшем положении. Современная диктатура миросозерцания основана на предположении, что с духом и духовной жизнью можно совершенно так же поступать, как с материей и материальной жизнью, что дух, мысль, творчество культуры поддаются такой же организации государства, как жизнь политическая и экономическая. Но это всегда значит, что дух рассматривается как эпифеномен, что духу отказывают в примате над материей. Организация единства духа и миросозерцания государственной властью ведет на практике главным образом к усилению органов государственной полиции и шпионажу. Самая воля к преодолению духовной и умственной анархии, к достижению духовного единства и целостного миросозерцания есть праведная воля, заслуживающая лишь сочувствия. Век формального либерализма, либерпансерства и скептицизма кончается. Но на этих путях подстерегают соблазны Великого Инквизитора. Диктатура миросозерцания есть соблазн Великого Инквизитора. Он привел к зловещим последствиям в русском коммунизме и германском национал-социализме. Диктатура миросозерцания есть не реальное преодоление хаоса, а есть формальная организация хаоса, создание деспотического порядка, за которым продолжает шевелиться хаос. Симптоматическое значение современных движений огромно, оно означает переход к новой эпохе, но не означает еще самой новой эпохи. Положительное значение современных движений прежде всего биологическое, его нужно видеть в необыкновенной витальной силе молодежи, в ее способности к энтузиазму.

3

И русский коммунизм, и фашизм как явления мировые порождены войной и могут быть названы детонацией войны. Фашизм же есть не только порождение войны, но и реакция против коммунизма. Эмоциональные источники фашизма не столько творчески положительные, сколько отрицательные, отрицательные реакции. Фашизм германский, национал-социализм есть порождение несчастья и унижения немецкого народа. И коммунизм, и фашизм, столь схожие между собой с точки зрения социальной морфологии, справедливо восстают против вырождения формальной свободы, означающей скептицизм, безверие и равнодушие к истине, но они не переходят к реальной свободе человека как целостного существа, как существа духовного, как производителя и как гражданина, они переходят к формальному и реальному отрицанию свободы. От угнетения человеческой личности, всякой человеческой личности, в капиталистическом хозяйстве, в буржуазном быте, в безличности и бесчеловечности государства и войны они переходят к угнетению же человеческой личности, унифицируя это угнетение и распространяя его на всех. Но это есть

продолжение того же прогресса дегуманизации и обезличивания. Свобода и личность отрицается совсем не в каком-то "буржуазном" смысле, как любят теперь демагогически говорить, а в вечном, духовном смысле. Совершается великое предательство относительно человека. Человек перестал быть верховной ценностью, он подменяется иными ценностями, которые стоят не выше, а ниже человека. Наша эпоха ставит вопрос, будет ли дальше существовать человек, или он будет заменен совсем иным существом, которое будет выработано дрессировкой социально-классовой или государственно-расовой. Между итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом существует разница в стиле и символике. Итальянский фашизм основан на символе и мифе о государстве как высшем существе и верховной ценности, он хочет продолжать римскую традицию и иметь классический стиль. Фактически он гораздо лучше, гораздо менее тираничен, чем немецкий национал-социализм, хотя его обоготворение государства есть явное возвращение к язычеству. Немецкий национал-социализм основан на символе и мифе о расе как высшем существе и верховной ценности, он любит говорить о душе народа, о земле, о мистическом значении крови и имеет стиль романтический. Государство есть лишь орудие расы и национальности. Но это еще гораздо глубже затрагивает человека, его внутреннее существо, чем фашистская идеология государства. Выработка чистой и сильной расы превращается в маниакальную, патологическую идею, которая побуждает сделать психоанализ целого народа, находящегося в состоянии коллективного безумия и одержимости. Впрочем, нужно сказать, что вряд ли народы Европы, чувствующие себя более здоровыми и рассудительными, имеют право строго осуждать немецкий народ, ибо в несчастьях немецкого народа очень повинны международная политика. Версальский мир, забота каждого о себе, прикрытая заботой о Европе, и многое другое. Нужно, однако, сказать, что в фашизме и даже в национал-социализме, столь пораженном болезнью, есть и положительные элементы. Эти положительные элементы нужно видеть в критике формальной политической демократии, переживающей смертельный кризис, в стремлении к созданию реального корпоративного, синдикального представительства, представляющего экономические, профессиональные интересы народа, в преодолении борьбы партий, даже в необходимости сильной власти для социального реформирования общества, в призыве к прямому реальному действию, связанному с народной жизнью, в противоположность действиям, отраженным в фиктивной партийной, парламентской сфере. Это есть переход от формализма к социальному реализму. Старый социалист Муссолини, который сейчас терпеть не может слово "социализм", фактически вырабатывает очень радикальную социальную программу и, вероятно, будет ее осуществлять. Гораздо сомнительнее социализм национал-социалистов, хотя они сохраняют самое слово. Это только показывает, как условно употребление слов в социальной жизни. Гитлер до сих пор почти ничего не делает для социального реформирования общества и даже, по-видимому, принужден опираться на финансово-капиталистические круги. Но в программе национал-социализма есть и положительные социально-экономические элементы.

Принято противопоставлять фашизм и демократию. С фашизмом хотят бороться при помощи принципов демократии. Это поверхностный взгляд. Нельзя себе представлять демократию статически, нужно вникнуть в динамику демократии. Фашизм есть один из предельных результатов демократии, обнаружение ее диалектики. Фашизм противопоставляет себя парламентской либеральной демократии, а не демократии вообще. Муссолини в своей книге о принципах фашизма решительно говорит, что фашизм есть демократия, но демократия авторитарная. Хотя это и может показаться парадоксальным и шокирует адептов стареющих форм демократии, но можно даже утверждать, что фашизм есть один из результатов учения Ж. Ж. Руссо о суверенитете народа. Учение о суверенитете народа, что и соответствует наименованию демократии, само по себе не дает никаких гарантий свобод для человеческой личности. Руссо верил, что общая воля суверенного народа безгрешна и свята, в этом был созданный им миф, аналогичный мифу Маркса о святости и безгрешности воли пролетариата. Но в действительности суверенный народ, как и

суверенный пролетариат, может упразднить всякую свободу и совершенно подавить человеческую личность, может потребовать от нее отречения от личной совести. Овладевший окончательно государством суверенный народ может принять свое государство за церковь и начать организовывать дух и духовную жизнь. Всякая "идеократия", имеющая свой прототип в платоновской Республике, принимает государство за церковь и предписывает государству церковные функции. Якобинская демократия в принципе есть уже тираническая идеократия, отрицающая свободу духа. Идея неотъемлемых субъективных прав личности совсем другого происхождения, и она, конечно, гораздо более христианская, чем идея суверенитета народа. Муссолини остроумно говорит, что когда объединенный народ окончательно берет в свои руки власть, когда государство делается окончательно его государством, то государству более не ставится границ, оно делается абсолютным. С абсолютизмом государства боролась угнетенная личность, личность угнетенных социальных групп, буржуазии, интеллигенции, рабочих, и пыталась поставить границы государству. Но когда произойдет преодоление борьбы сословий, классов, социальных групп с противоположными интересами, когда произойдет унификация народа, когда не будет уже социальных групп, угнетенных государством, тогда народ отождествит себя с государством и государство окончательно обожествится. Народ совсем не должен непременно выражать свою волю в форме либеральной демократии с парламентом, он может выражать ее в форме авторитарной демократии с вождем, наделенным высшей властью. Мы видим, что возможно даже появление вождя с диктаторскими полномочиями при сохранении старой демократии. Таков случай с Рузвельтом, он вызван необходимостью радикальных социальных реформ, всегда требующих единоличной сильной власти, инициативы и ответственности. Муссолини социологически, в сущности, говорит то же самое, что говорит Маркс. Маркс говорит, что конфликт между личностью и обществом существовал лишь потому, что существовал конфликт социальных классов, который он лишь прикрывал. Когда исчезнут классы, класс эксплуататоров и классовая борьба, то никакого конфликта между личностью и обществом не будет. Для Муссолини абсолютным становится государство, для Маркса абсолютным становится общество, но принцип один и тот же, одинаково отрицается вечный трагический конфликт личности и государства, личности и общества и отрицаются неотъемлемые свободы личности. В действительности истина в прямо противоположном. Конфликт классов и социальных групп лишь прикрывал и маскировал вечный конфликт личности и общества, личности и государства. И когда классов больше не будет, когда общество будет социально демократизировано и унифицировано, тогда в метафизической своей глубине обнаружится вечная трагедия столкновения личности и общества, личности и государства. Так же как, когда будет решена элементарная экономическая проблема обеспечения жизни каждого человеческого существа, во всей остроте будет поставлена проблема духа. Это есть проблема будущего, может быть, отдаленного будущего. Но человеческим обществам, вероятно, придется пройти через соблазны идеократии, через абсолютизацию государства, нации, общества, через отрицание свободы человеческого духа. Либеральные демократии не могут удержаться. Парламентаризм с режимом партий, с властью денег разлагается. Старые формы демократии мешают радикальному реформированию человеческих обществ, и появляются новые формы демократий, более подвижные, динамические, способные к быстрому действию, отвечающие инстинктам масс и молодежи. Фашизм есть одна из преходящих форм, образовавшихся в атмосфере мировой войны и мирового кризиса. Миру придется, по-видимому, пройти через диктатуры, которые исчезнут после того, как будут совершены радикально социальные изменения общества. Избежать диктатур с их тягостными последствиями можно лишь моральным перерождением и проявлением творческой духовной силы. Старые социалистические партии бессильны, они утратили Энтузиазм, обуржуазились, выветрились, бюрократизировались и не способны к действию. Судьба немецкой социал-демократии в этом отношении очень показательна. Наступает очень тягостный период для человеческой личности", для свободы духа, для высшей культуры. И ставится * вопрос о том, могут ли диктатуры оставаться лишь диктатурами

политическими и экономическими, или они неизбежно будут диктатурами мирозерцания, диктатурами над духом, т. е. отрицанием свободы духовной жизни, свободы совести, мысли и творчества. В принципе возможно первое, но осуществляется второе, вследствие упадка христианских верований. И предстоит духовная борьба. Эта борьба сейчас происходит в немецком христианстве. Она будет и во всем мире. Бороться нужно против монизма, нужно утверждать дуализм и плюрализм, различность и раздельность духовного и природно-социального, мира существования и мира объективированного, Божьего и кесарева, церкви и государства. И поразительно, как я говорил уже, что "абсолютный монизм, абсолютная идеократия осуществляются без действительного единства веры. Единой веры нет сейчас ни в одном обществе, ни в одном государстве. Принудительное единство определяется эмоциональной коллективной одержимостью. Единство осуществляется диктатурой партии, отождествляющей себя с государством. Социологически очень интересно, что свобода идет на убыль и уменьшается в мире не только по сравнению с обществами, основанными на либеральных и демократических принципах, но и по сравнению со старыми монархическими и аристократическими обществами, в которых, в известном смысле, было больше свободы, несмотря на то что было гораздо больше единства в религиозных верованиях. В старых обществах довольно большая свобода утверждалась в ограниченном социальном круге, она была аристократической привилегией. Когда круг расширился и общество унифицировалось, то произошло не распространение свободы на всех, а распространение на всех не-свободы, т. е. одинаковое подчинение всех государству и обществу. Социальная дифференцированность сохраняла некоторую свободу для избранного круга. Свобода аристократична, она есть скорее аристократическая, чем демократическая привилегия. Токвиль видел в демократии опасность для свободы. Это все та же проблема, поставленная Марксом и Муссолини и иллюстрируемая на примерах коммунизма и фашизма. Мир вступает в периоды, когда свобода духа агонизирует. Человек потрясен до своих первооснов процессом дегуманизации. Идеал человека померк. Это очень мучительный переходный период. Человек, может быть, должен быть распят, умереть, чтобы ожить для новой жизни. Ни коммунизм, ни фашизм не есть еще эта новая жизнь, это лишь переходные формы, в которых элементы правды перемешаны со страшной неправдой. Эти переходные формы порождены несчастьем и нуждой. Они не от творческого избытка родились. Все старые авторитеты рухнули, и миру грозит анархический распад. Вновь вошедшие в мир силы оказались как бы неожиданными, застали врасплох. Эти силы вошли в мир, когда потеряно было единство веры, когда скептицизм развел и разложил старые общества. Что это за силы?

[1] белокурая бестия (нем. и лат.).

[2] См. мою статью "Человек и машина" в "Пути"*.

ГЛАВА III. Новые силы мировой жизни. Вступление масс. Коллективы. Экономизм. Техника. Безработица. Национализм и расизм. Этатизм и цезаризм. Народы Востока.

1

В мировую историю вошли новые силы. Процесс демократизации общества начался давно. Но после войны окончательно обнаружилось вторжение мобилизованных масс на авансцену истории. Это есть основной фактор современной истории. Массы не были раньше допущены на авансцену истории к видимой активной роли. Но изнутри история всегда создавалась, имея в виду массы или то, что я называю социальной обыденностью, история всегда основывалась на большом числе, на коллективах. Государство и социальные институты всегда создавались для массы, для среднего человека, а не для духовной аристократии. Человек всегда был подавлен большим числом, человек выдающийся был подавлен человеком средним, качество количеством. Но никогда еще не была так велика роль большого числа, роль коллектива, как в нашу эпоху. Я говорил уже, что раньше массы жили в органическом строе и ладе, жили и росли, как живут и растут растения, и жизнь их держалась положительными религиозными верованиями. Но органический строй и лад разложились и религиозные верования ослабели. Массы активно вторгаются в историю в

очень трудный момент, когда грозит анархия. Но массы вступают не совсем бесформенно, не как механическая смесь, они вступают организованными в коллективы. И это вступление масс сопровождается почти помешательством на организации. Отсюда склонность к диктатуре, искание вождей, которые должны заменить падшие авторитеты. Организованные коллективы, стремящиеся к соединению в единый коллектив, - вот вновь образующаяся сила эпохи. И базисом этих организованных коллективов являются прежде всего союзы молодежи, комсомольцы, фашисты, наци. Индивидуалистически жить человеческие общества более не могут. Они могут жить соединениями, содружествами, корпорациями, коллективами. Разъединенная, индивидуалистическая, изолированная жизнь есть буржуазная, мещанская жизнь капиталистических обществ, в которых человек человеку волк, каждый думает лишь о себе. Дальше так продолжаться не может. Не буржуазная, не мещанская, не корыстно индивидуалистическая жизнь доступна была лишь отдельным избранным индивидуальностям с особенным призванием, но не среднему человеку, не массам. Вторжение масс, организованных в коллективы, и приобщение их к культуре имеет своим последствием понижение качества культуры, варваризацию, вооруженную орудиями цивилизации. Меняется стиль жизни, меняется характер интересов, направленность сознания. Качественная культура была связана с аристократическим началом (не в сословном, конечно, смысле). Этому аристократическому началу грозит истребление. Культурная элита подвергается настоящему погрому. Этот погром происходит в Советской России и в гитлеровской Германии. Германия, в которой раньше был настоящий культ ученых, философов, профессоров, университетов, часто преувеличенный и смешной, теперь совершенно перестала уважать ученых, философов, профессоров, университеты и готова их разгромить. Массы требуют себе от людей мысли и культурного творчества служения, исполнения "социального заказа". Люди мысли, творцы культуры испытывают на себе жестокие последствия диктатуры господствующей ортодоксии и догматики, их заставляют принять господствующую символику. В Италии, где диктатура мирозерцания сравнительно мягче, фашистская молодежь в свое время разгромила библиотеку самого крупного итальянского философа Бенедето Кроче, потому только, что он хотел сохранить свободу мысли и не принял господствующей символики. От деятелей мысли и культуры требуют ортодоксии в гораздо большей степени, чем это требовалось в средние века. Достаточно известно, какие формы это требование ортодоксии приняло в русском коммунизме. Советская Россия стала классической страной "социального заказа" деятелям культуры. В этом есть, конечно, конец индивидуализма в дурном смысле слова. Эгоистический индивидуализм буржуазной культуры должен быть преодолен. У творцов культуры должно пробудиться исчезнувшее сознание сверхличного социального служения. Но процесс, происходящий в мире, есть не только конец индивидуализма, но и страшная опасность для вечной истины персонализма, т. е. для самого существования человеческой личности. В коллективах угасает личное сознание и заменяется коллективным. Мышление становится групповым, полковым. Личная совесть парализуется, заменяется совестью коллектива. Перерождение сознания так велико, что совершенно меняется отношение к правде и лжи. То, что с точки зрения личного сознания и личной совести есть ложь, с точки зрения коллективного сознания и коллективной совести вменяется в обязанность. Требуют и от мышления, и от оценок и суждений совести маршировать в ногу.

Коллективизм и коллективная совесть не есть новое явление в истории. С него началась история, и он всегда бывал в истории, всегда бывал для среднего человека, для масс, для социальной обыденности. У человека всегда была склонность к стадности, стадность была выражением выброшенности человека в падший мир. Личная оригинальность в мысли, в совести, в творчестве всегда была редким достоянием немногих. Первобытные общества, первобытные кланы с их тотемистическими культурами жили под знаком коллектива, в них личность еще не пробудилась, не поднялась, не создала границ, отделяющих ее от социальной группы. Многие табу, которыми наполнена и цивилизованная эпоха истории, - следствие первобытной стадности и первобытного коллективизма. На протяжении всей

своей истории человек жил в разных коллективах - родовых, семейных, племенных, национальных, государственных, военных, сословных, классовых, профессиональных, религиозных. И он мыслил и судил согласно сознанию своих коллективов. Мышление редко бывало личным, оно бывало родовым. Отсюда сделала неправильные обобщения социологическая школа Дюркгейма. Мышление было полковое, сословное, профессиональное, племенное. Средний военный иначе мыслит, чем средний штатский, средний француз иначе, чем средний немец, средний дворянин или буржуа иначе, чем средний крестьянин или рабочий, средний врач иначе, чем средний адвокат, и т. д. Личная оригинальность, возвышающаяся над родовым, всегда была редкостью. Ошибочно думать, что в индивидуалистическую эпоху, в буржуазных обществах мышление и сознание было личным, оно было безлично-средним, приспособленным к господствующему типу человека. Безличная и бесчеловеческая власть денег определяла суждения людей. Буржуазное общественное мнение очень тиранично. От человека требовали безличных оценок. Каждый атом походил на другой атом. Индивидуализм совсем не означал личной оригинальности, личного мышления, личного творчества, а обыкновенно означал эгоизм, корысть, изоляцию, разобщенность, волчье отношение к ближнему, полное отсутствие сознания долга сверхличного служения. Индивидуализм совсем не был персонализмом. Индивидуализм тоже был своеобразной формой стадности и коллективности. Индивидуализм есть или мещанское отношение к жизни, или изоляция эстетов. Персонализм же есть осуществление в человеке образа и подобия Божьего. В индивидуализме буржуазных обществ человек был социализирован и объективирован, он был подчинен власти денег и индустриального развития, суждения его подчинены буржуазным нравам, но ему было внушено, что он служит обществу, нации и государству, оставаясь "экономическим человеком", индивидуалистом в хозяйственной жизни, руководясь индивидуальным интересом, а не интересом социальным. Но коллективизм нашей эпохи, современный коллективизм, противопоставляющий себя предшествующей индивидуалистической эпохе, несет с собой и новизну. Раньше коллективизм существовал в разных дифференцированных группах, национальных, сословных, профессиональных, семейных. Теперь коллективизм унифицируется и универсализируется. Мир идет к универсальному коллективизму, в котором исчезают дифференциации. В коммунизме, в фашизме, в национал-социализме мы и видим процесс универсального обезличивания - все должны мыслить одинаково, иметь одинаковые суждения, всякая личная оригинальность исчезает в коллективе. Это процесс унификации и универсализации ударяет жестоко по избранным индивидуальностям, ни к каким группам и коллективам не принадлежащим. Происходит возврат к стадности в новых цивилизованных и технизированных формах. Массы, пришедшие к власти, хотят жить в этих новых организованных, неорганических коллективах. Массовый человек обезличен, но он может проявить больше жертвенности и забвения о себе, чем буржуа-индивидуалист. Вместе с тем обнаруживается власть фактора, который играл уже определяющую роль в капиталистическом обществе XIX века и был положен в основание теории Маркса, - экономизм. Но раньше власть экономизма не была такой универсальной, как в нашу эпоху, и многое ускользало от этой власти. Теперь уже никто и ничто не может ускользнуть от этой власти. Все находятся под знаком заботы, и те, которые уверены в сегодняшнем дне, не уверены в завтрашнем дне. Мировая жизнь окончательно стала под знак экономизма, и интересы экономические стали преобладающими и деспотическими, они все себе подчиняют. Массы живут по преимуществу интересами экономики, и это сказывается роковым образом на всей культуре, которая делается ненужной роскошью. Мировая война страшно усилила власть экономизма, разорив все народы. Все правительства заняты почти исключительно вопросом финансовым и вопросом о безработице. Все люди заняты почти исключительно поиском заработка и добыванием хлеба насущного, люди же обеспеченные и богатые потеряли чувство прочности своего положения и ждут разорения и краха. С необычайной остротой обнаруживается основа жизни падшего мира, как нужды и заботы, как древнего библейского проклятия - в поте лица своего будешь добывать хлеб свой. Власть

экономизма очень связана с перенаселением. Так, перенаселение в Германии есть факт фатальный, грозный для европейского мира.

Капитализм не только породил экономизм как мироощущение и мирозерцание, но и был порожден экономизмом. Экономизм не есть только признание большого значения хозяйственного труда и хозяйственного развития, как условия человеческой жизни и человеческой культуры, - он есть извращение иерархии ценностей. Именно экономизм капиталистического мира признал дух эпифеноменом экономики. Совсем не от Маркса это идет и не Маркс в этом виноват. Маркс нашел это в капиталистическом, буржуазном обществе XIX века и так был этим потрясен, что придал этому универсальное значение. Но мы живем в эпоху увядания капитализма, он изжил уже классический период своего расцвета. Капитализм нашего времени есть уже упадочный капитализм, и он перерождается в какую-то новую переходную форму хозяйства. Капитализм, во главе которого становится финансовый капитал, перестает уже быть связанным с либерализмом и индивидуализмом. Из периода либерального капитализм переходит в, период государственного и регулируемого. Капитализм не регулируемый, либеральный стал опасным для всех классов, и для классов буржуазных. Вопреки схеме Маркса, капитализмом недовольны и сами капиталисты. Это особенно видно на классической стране индустриального капитализма, на Америке. Там регуляция капитализма стала необходимостью, сознаваемой всеми, так как нерегулируемый капитализм поставил страну перед бездной. Капитализм старый не обеспечивает более ничьей жизни. Он не может уже питать человечество. Если раньше капиталистический строй эксплуатировал трудящиеся массы, то теперь он выбрасывает их на улицу. Он не в силах победить безработицу. Как уже много раз указывали, в капиталистическом хозяйстве нет соответствия между производством и потреблением. И это не только его экономический дефект, это его моральный и метафизический дефект. Ибо это значит, что не производство существует для человека, а человек существует для производства. Поэтому могут истреблять, бросать в море огромное количество хлеба из экономических интересов, когда существуют голодные. Человек не ставится в центре хозяйства. Именно экономический либерализм и индивидуализм не ставит человека в центр хозяйства. Капиталистическое хозяйство глубоко антиперсоналистично. Оно есть дегуманизация экономической жизни и овеществление человека. В упадочный период капитализма это выражается в том, что он становится все более и более анонимным. Капитализм сам все более и более разрушает принципы частной собственности. Неизвестно, кто является собственником и чего он является собственником. Власть банков есть безличная, анонимная власть. Тресты - анонимные, безличные учреждения. Неизвестно даже, кто является виновником бедствий, поражающих современное человечество, виновника нет, он не имеет имени. Безработные не тают, кто виновник их горькой участи. Человек чувствует себя совершенно раздавленным нечеловеческой, безликой силой. Деньги - нечеловеческая, безликая сила.

Но главная космическая сила, которая сейчас действует и перерождает лицо земли и человека, дегуманизирует и обезличивает, есть не капитализм как экономическая система, а техника, чудеса техники. Человек попал во власть и рабство собственного изумительного изобретения - машины. Наша эпоха стоит прежде всего под знаком техники и может быть названа технической эпохой. Техника есть последняя и самая большая любовь человека. Человек верит в чудеса техники, когда перестал уже верить во все чудеса. Дегуманизация и есть, прежде всего, механизация и технизация человеческой жизни, подчинение человека машине и превращение его в машину. Власть машины разлагает целостный человеческий образ. Экономическая жизнь оказывается окончательно оторванной от духовной жизни, которая загоняется все более и более в темный угол и не допускается до руководства жизнью. Машина призвана освободить человека от рабства у природы, облегчать человеческий труд. Но вместо этого она по-новому поработочает человека и окончательно его обездоливает, превращая его в безработного. Это указывает на то, что весь социальный организм поражен страшной духовной и нравственной болезнью, звериным отношением

человека к человеку. Технизированный капитализм нельзя рассматривать только как экономическую категорию, он есть также моральная категория и связан с отношением человека к человеку. Техника имеет не только социальное, но и космическое значение[1]. Она создает совсем новую действительность, действительность иную, чем действительность природного, неорганического мира. Кроме тел неорганических и тел органических появились еще тела организованные, которые образовались не из природного мира, а из мира истории, из цивилизации. Современная техника означает конец теллурического периода в жизни человека, человек перестает зависеть от земли и питаться от земли. Техника есть переход от органической, животной-растительной жизни к жизни организованной. И это соответствует выступлению в истории огромных масс и коллективов. Человек перестает жить прислоненным к земле, окруженным растениями и животными. Он живет в новой металлической действительности, дышит иным, отравленным воздухом. Машина убийственно действует на душу, поражает прежде всего эмоциональную жизнь, разлагает целостные человеческие чувства. Если суровый, мужественный дух может сопротивляться власти машины и может овладеть ею, то душа бессильно агонизирует. Современные коллективы не органические, а механические. Современные массы могут быть организованы лишь технически, власть техники соответствует демократическому веку. Техника рационализирует человеческую жизнь, но рационализация эта имеет иррациональные последствия. Таким последствием является безработица, которая все более и более представляется будущим человечества. Социальный вопрос делается прежде всего вопросом распределения, т. е. вопросом не экономическим только, но и моральным. Состояние современного мира прежде всего требует революции духовной и моральной, революции во имя человека, во имя личности, во имя всякой личности. Эта революция должна восстановить иерархию ценностей, которая совершенно нарушена, поставить ценность человеческой личности выше идолов и кумиров производства, техники, государства, расы и национальности, коллектива. И необходимо рассмотреть еще одну из современных форм идолотворения.

2

С необычайной силой вспыхнули в нашем мире древние расовые и национальные инстинкты. Национальные страсти терзают мир и грозят гибелью европейской культуре. Это свидетельствует только о том, как силен атавизм в человеческих обществах, насколько подсознательное глубже сознательного, как поверхностен был процесс гуманизации. Если в прошлом утверждение и развитие национальных индивидуальностей было гуманизацией, то современный национализм есть дегуманизация и бестиализация человеческих обществ. Это есть возврат от категорий культурно-исторических к категориям зоологическим. Как будто бы возрождается древняя борьба племен и рас, предшествующая образованию национальностей как культурно-исторических форм. Совсем как в самом начале образования средневекового мира. Отменяются результаты христианско-гуманистического процесса объединения человечества. Происходит паганизация* христианских обществ. Национализм есть многобожие, он не соединим с единобожием. В потрясающих формах происходит эта паганизация в Германии, которая уже не хочет быть христианской страной, заменяет крест свастикой и требует от христиан отречения от первооснов христианского откровения и христианской веры, от евангельской морали. Франция давно уже дехристианизирована, но глубоко проникшие гуманизм и просвещение мешают ей стать страной языческой. В Германии, где гуманистическое просвещение всегда было слабее, религия языческого партикуляризма пытается опрокинуть христианский универсализм. Духовно-персоналистическое понимание человека заменяется пониманием натуралистически-зоологическим. И к устройению человеческой жизни устанавливается такое же отношение, как к скотоводству. Способ выработки и охранения чистой германской расы очень напоминает способы выработки чистой породы собак и лошадей. Немецкий расизм есть романтический натурализм, и в нем есть элемент реакции "природы", крови, земли, души народа, т. е. сил теллурических, против власти техники. Но он фатально усваивает себе

приемы современной техники и подражает приемам советским. Стерилизация, евгеника, недопущение смешанных браков, государственное вмешательство в личную жизнь и пр. и пр. не есть, конечно, проявление натуральной жизни, это есть самая плановая, самая дегуманизованная техническая цивилизация. Зоологические инстинкты, романтически идеализированные и превращенные в натуралистическую мистику, вооружаются современной цивилизованной техникой. Парадоксальна вспышка современного национализма и расизма потому, что мы живем в универсалистическую эпоху, во многом напоминающую эпоху эллинистическую. Все стало планетарным. Современный расовый и национальный партикуляризм приобретает особенную остроту именно на фоне основного универсализма эпохи. Сейчас нет уже совершенно замкнутых, изолированных автаркических миров, все происходит на глазах всего мира. Современная техника носит совершенно унифицирующий и универсализирующий характер, она одна и та же у всех национализмов, органического своеобразия больше нет. Так, национализм народов Востока есть не что иное, как подражание Европе и вооружение европейской техникой. Увлечение современной националистически настроенной молодежи техникой и спортом носит совершенно мировой, интернациональный характер. В истории мы видим две тенденции - тенденцию к индивидуализации и тенденцию к универсализации. Обе тенденции неизбежны в космической жизни и правомерны. Но почти никогда не было достигнуто их гармоническое сочетание, всегда бывало чрезмерное преобладание одной тенденции над другой. Гармоническое сочетание индивидуализирующей и универсализирующей тенденции так же не удавалось, как не удавалось ничто в истории нашего падшего мира, все искажалось греховной похотью и идолотворением. Национализм и интернационализм одинаково разрушали целостную человечность. Современный национализм есть одна из форм идолотрии, как и современный этатизм. Христианская истина о том, что нет эллина и иудея, которая не была, конечно, отрицанием самого факта национальной индивидуальности, злобно и насильнически отвергается, и народы возвращаются к языческому, античному отношению к национальности. Единство человечества, к которому, по крайней мере в идее, в принципе приближал нас процесс христианизации и гуманизации, вновь в идее, в принципе отрицается, единство человечества распадается. Это свидетельствует о том, что натурально единство человечества недостижимо, оно достижимо лишь духовно. Единство человечества есть Богочеловечество.

Национализм идолопоклоннически превращает национальность в верховную и абсолютную ценность, которой подчиняется вся жизнь. Народ заменяет Бога. И национализм не может не столкнуться с христианством, с христианским универсализмом, с христианским откровением о том, что нет эллина и иудея и что всякий человек имеет безусловную ценность. Национализм все превращает в свое орудие, в орудие национальной мощи, национального своеобразия и процветания. Религия, церковь для национализма есть исключительно национально-историческая категория. Русский должен быть православным не потому, что православие есть истина, а потому, что православие было национально-исторической силой, оно образовало русское государство и русскую национальную культуру. Так же поляк должен быть католиком, немец лютеранином, англичанин - англиканцем и т. д., и т. д., совершенно так же, как турок должен быть магометанином. Национализм последовательно ведет к многобожию, к языческому партикуляризму. Во время войны мы видели, что бог немецкий, бог русский, бог французский и английский вели между собой войну. Национализм не приемлет универсальной религиозной истины, он по своему сознанию остается на до-христианской стадии, на стадии юдаизма как религии еврейского племенного бога, не ставшего еще богом вселенским, или язычества до возникновения философской идеи единобожия. Национализм был чужд христианскому универсализму средневековья, он есть порождение новой истории, утерявшей чувство единства и двигавшейся в направлении партикуляризма. В частности, национализм французский происходит от французской революции, от идеи верховенства нации. Старая монархическая и аристократическая Франция не знала национализма в том

смысле, как он сложился в XIX и XX веках. Национальность есть одна из ступеней индивидуализации бытия и имеет бесспорную и положительную ценность. Культура всегда имеет национальный характер и национальные корни. Интернациональная культура невозможна. Это была бы культура коммивояжеров. Только техника носит интернациональный характер, и власть техники есть сила интернационализирующая. Национальность есть культурно-исторический факт. Национализм же есть отношение к факту, есть превращение натурального факта в идола. Национализм не имеет никаких христианских корней, истоки его совершенно иные, и он всегда сталкивается с христианством. Христианство не есть, конечно, и интернационализм, который есть обеднение бытия, отрицание индивидуальных ступеней бытия и утверждение абстрактного единства вместо конкретного. Интернационализм есть общее, а не универсальное. Универсальное конкретно-единично, оно не подчинено числу. Христианство есть вселенскость и конкретное единство, вбирающее в себя все преобразенные и просветленные индивидуализации бытия. Национализм есть прежде всего явление эмоциональное, и никакие интеллектуальные аргументы в споре с национализмом не имеют силы. Рассказывают один анекдот, который, кажется, есть действительное событие и имеет философский смысл. В одном французском обществе, в котором участвовали видные политические деятели, один француз возмещался англичанами, которые считают себя первым народом в мире, с величайшей миссией в мире и не признают равенства с другими народами. Другой француз на это остроумно заметил: "Почему Вы так возмущаетесь, ведь французы то же самое думают о себе?" Тогда тот ответил: "Oui, mais, sa c'est vrai"[2]. Все национальные споры кончаются таким анекдотом. Это определяется тем, что к национальности существует прежде всего эротическое отношение, эротическое избрание. Свой народ, своя земля милы нам, как лицо любимой женщины. Но национализм противопоставляет эрос этосу и естественную эротику в отношении к своей национальности превращает в верховный принцип и доктрину. Национализм принципиально утверждает лишь эротическое отношение к национальности и отрицает этическое отношение. Поэтому он неизбежно сталкивается не с христианской только, но и с общечеловеческой, гуманистической моралью. Ни к национальности, ни к человеку, ни к чему на свете не может быть только эротическое отношение, должно быть и этическое отношение, связанное с достоинством личности. Должен быть не только эрос, но и этос. Национализм это отрицает. И национализм связан не только с любовью к своему, но и ненавистью к чужому, к другим народам, и ненависть обыкновенно бывает более сильным двигателем, чем любовь. Национализм проповедует или замкнутость, изоляцию, закрытость для других народов и культур, самодовольство, партикуляризм, или экспансию на счет других народов, завоевание, подчинение себе, империалистическую волю. И в том и в другом случае он противоречит христианской совести, отрицает в принципе и навеки братство народов, братство людей. Национализм глубоко противоречит персоналистической этике, он отрицает верховную ценность человеческой личности. Современный национализм дегуманизирует этику, он требует от человека отречения от человечности. Это все один и тот же процесс, в национализме тот же, что и в коммунизме. Внутренний мир человека совершенно подавлен коллективизмом национальным и коллективизмом социальным.

Национализм и социализм (в широком смысле) представляют разные начала в современном мире, которые сталкиваются, борются между собой, но могут причудливо сочетаться и сплетаться. Социализм в своих наиболее классических марксистских формах враждебен не только национализму, но и национальному, он связан с интернационализмом. Интернационализм есть точка наиболее острого столкновения национального и социального. Маркс провозгласил принцип, что у рабочих нет отечества. Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Те классы, которые жестоко эксплуатируются и унижаются своими же соотечественниками, не могут чувствовать с ними национальной солидарности и братства. Им ближе эксплуатируемые и униженные других государств и национальностей. Социальная классовая солидарность противопоставляется национальной солидарности. Люди

соединяются и разъединяются в вертикальном, а не горизонтальном разрезе. Маркс обвинялся в том, что он разлагал и истреблял реальность отечества, отрицал всякое патриотическое и национальное чувство. Но справедливо было бы сказать, что Маркс лишь отражал действительность. Патриотическое и национальное чувство истреблялось в рабочих классах капитализмом и вопиющими социальными несправедливостями. Интернационализм рабочих классов так же понятен и объясним, так же эмоционально оправдан, как и их атеизм. Патриотизмом и национализмом слишком часто прикрывались интересы господствующих классов, так же как прикрывались религией и церковью. Это нисколько не решает по существу проблемы национальной, как не решает и проблемы религиозной. Маркс не понимал глубины ни той, ни другой проблемы, и он, конечно, страшно преуменьшал значение национальных инстинктов, которые обнаружились и у социалистических рабочих, когда началась война. Но интернационализм есть закономерное порождение капиталистического мира и технической цивилизации, которые отрывают человека от природных, теллурических основ его существования. Промышленники, изготавливающие удушливые газы для войны, обыкновенно прикрываются национализмом и патриотизмом и требуют войны до победного конца, но они по существу своему интернационалисты. Интернационалистический социализм прав и по отношению к их национализму, и по отношению к их интернационализму. В столкновении социального и национального справедливость чаще бывает на стороне социального. Это обыкновенно бывает столкновение этоса и эроса, хотя возможно эротическое отношение к социальной правде. Можно любить свой народ и свою землю, но требовать для них достойного человеческого существования, осуществления правды в жизни. Для нашей эпохи характерно социальное перерождение национализма. Он перестает быть достоянием господствующих буржуазных классов, он переходит к народным массам. Современный национализм носит народный, демократический характер. В смысле социальном его носителем являются по преимуществу мелкобуржуазные, мещанские, деклассированные и пролетаризированные элементы общества, равно как и близкие к земле крестьянские массы. Современный национализм имеет такую физиономию, как будто бы за ним стоит "народ" как целое. И несомненен процесс социальной демократизации национализма. Это делает возможным такие образования, как немецкий национал-социализм, в котором сочетаются элементы национальный и социалистический. В действительности элемент социалистический оказывается подавленным элементом национально-расовым. Но невозможно отрицать народного характера национал-социалистического движения, как и движения фашистского. Соединение социального элемента, увязанного с пролетаризацией значительных слоев германского народа, с агрессивным национальным элементом, определялось международным положением Германии. Германский народ почувствовал себя униженным и солидарным в этом унижении. После войны он был переведен на пролетарское положение среди народов и потому он стал национал-социалистическим. Национализм представляется и социальной защитой. Но социализм гитлеровской власти носит все-таки по преимуществу демагогический характер. Провозглашенная национальная революция никак не доходит до социальной реформы общества. Даже Рузвельт гораздо более делает опыт радикальной социальной реформы. И эмоции национальные, и эмоции социальные в нашу эпоху являются главным орудием демагогии. Массами управляют посредством самой бесстыдной демагогии. Социализм в нашу эпоху принял по преимуществу демагогический характер, он потерял тот идеалистический характер, который имел в XIX веке. И еще более демагогический характер имеет современный национализм, на котором лежит печать духовного плебейства, как и на всей нашей эпохе вообще. Национализм принимает расовую символику, и оказывается возможным революционное народное движение под символом расы, а не под символом класса. Что же такое расизм?

Расизм в Германии принимает формы коллективного религиозного помешательства. Переворот в Германии произошел под символикой национально-расовой, как в России он произошел под символикой социально-классовой. Но не следует слишком всерьез принимать

символику революций и коллективных массовых движений. Эта символика условна, и очень схожие процессы могут прикрываться разного рода символиками. Но движения масс всегда требуют объединяющего и скрепляющего символа. С этим символом всегда связана ортодоксия. Все отклоняющиеся от этой ортодоксии обвиняются в ереси и отлучаются за ересь. В нашу эпоху категории ортодоксии и ереси стали очень важными социальными факторами. Впрочем, нужно сказать, что ортодоксия всегда была социальным феноменом, она всегда определялась социальным коллективом. Ересь есть отклонение от сознания социального коллектива. В нашу эпоху различие ортодоксии и ереси, связанное с господством коллектива над личной совестью, вновь делается определяющим в политике. И это, конечно, есть возврат к средневековью. В России господствует уже много лет тираническая ортодоксия марксизма, хотя марксизм этот совсем не верен Марксу. Во имя этой ортодоксии калечится человеческая жизнь. В Германии образовалась ортодоксия расизма. Положение этой ортодоксии более трудное, так как за ней не стоит такой выработанной теории, как марксизм. Но она также калечит человеческую жизнь, идет дальше коммунизма и даже калечит живой организм, производя насильственную стерилизацию во имя выработки чистой и сильной расы. Имеет ли расизм под собой какие-либо научные или философские основания? Расизм носит мифологический, а не научный характер. Но коллективные массовые движения всегда вдохновляются мифологией, а не наукой. И наша эпоха, гордящаяся наукой и техникой, насыщена мифами, в ней даже наука и техника превратились в мифы. Германский национализм всегда был более связан с расизмом, чем национализм других народов. Национализм французский, например, совсем не связан с расизмом. Ни расизм, ни антисемитизм не есть что-то неожиданное в Германии, это старая болезнь германского духа, свидетельствующая о том, что христианство недостаточно переработало и преобразило глубинный слой германского язычества. Через всю германскую мысль XIX века проходит идея германского империализма, сознание великой германской миссии и чувство германской гордости. Вся почти германская философия и наука этим проникнута. Фихте был уже глашатаем воинствующей идеи германской миссии в мире. Так как Фихте был вместе с тем гуманистом и страстным почитателем французской революции, то он считал немца человеком по преимуществу и видел в германской культуре исключительного и монопольного носителя человечности. Фихте был также антисемитом и отказывал евреям в человеческих правах. Свой антисемитизм он выразил в статье о французской революции, то есть в свой революционный период. Также философия Гегеля была обоснованием исключительной миссии германского народа. Он видел в прусском государстве воплощение мирового духа. У большей части романтиков можно найти эмоциональное выражение германского национализма. Гитлер вдохновлялся Р. Вагнером. Все дело Р. Вагнера было выражением воинствующего и агрессивного германского мессионизма. Вагнер был настоящий расист и антисемит, один из создателей расистско-антисемитской идеологии. Ницше стоит совсем отдельно. Но некоторыми мотивами: Ницше вдохновляется германская империалистическая воля, воля к мужеству, германский культ силы. У самого Маркса можно много найти родственного германскому империализму, например в его отношении к России и славянству, и настоящий антисемитизм. Крайним антисемитом. был Дюринг, своеобразный анархист. Далее идут Лангбен, автор книги о Рембрандте, Чемберлен, Вольтман. Пытались обосновать quasi научные расовые теории, дать научное выражение мифу об избранной арийской расе, под которой нужно понимать германцев. Но настоящим основателем расовой теории был француз Гобино, тонкий мыслитель и писатель аристократического типа, которому чужд был грубый антисемитизм, как и вообще всякая грубость. Он был настоящий творец мифа об избранной арийской расе и великой миссии германцев, которые, впрочем, и, по его мнению, перестали быть чистой расой. Для него теория неравенства расы была прежде всего обоснованием аристократической идеи, оправданием аристократической культуры. Гобино, в отличие от современных германских расистов, был пессимистом и учил о неотвратимом декадансе рас и культур. Во Франции Гобино имел мало успеха, и расовая теория совсем не

привилась. Но теория Гобино дала плоды в Германии и подверглась там огрубению. Впрочем, Чемберлен был еще очень культурный мыслитель, и у него были тонкие мысли, хотя нет ничего более жалкого и даже смешного, чем его попытка доказать, что Иисус Христос не был евреем. Процесс огрубения и вульгаризации пошел еще дальше, и в нашу эпоху теория, которая в своих истоках была аристократической, превратилась в плебейскую теорию, вдохновляющую массы.

Современная наука считает расовую теорию мифологией и не считает возможным даже серьезно говорить об арийской расе. Никаких чистых рас не существует. Не существует, конечно, и чистой германской расы, которая есть уже результат сложного смешения. Единственная, может быть, сравнительно чистая раса - евреи. Самое понятие расы очень шаткое и основано на смешении того, что относится к зоологии, с тем, что относится к человеческой истории. Раса есть категория зоологическая и этим отличается от национальности, которая есть категория культурно-историческая. Расизм есть грубый материализм, принявший мистический характер, что есть самое ужасное. Расизм ставит дух в зависимость от формы черепа и цвета волос. Это есть абсолютный натуралистический детерминизм, враждебный духу и духовности, ибо дух есть прежде всего свобода. Расизм еще более грубая форма материализма, чем материализм экономический, ибо социальное принадлежит психическому миру и менее материалистично, чем биологическое, зоологическое. Для расовой теории человек есть животное, детерминированное биологически, кровью и анатомическим строением. Эта теория утверждает рок наследственности. Но рас в зоологически-натуралистическом смысле слова в истории найти уже нельзя, они относятся к предыстории. В истории существуют национальности, т. е. результат сложного культурно-исторического процесса. Французов считают латинянами не потому, что они латиняне по крови, - у них почти нет латинской крови, они представляют сложное смещение рас, в которое входит сильный кельтический элемент, они латиняне потому лишь, что усвоили себе латинскую культуру и формировались на ней. О латинской расе нечего разговаривать. Более чем сомнительно, что русские - славянская раса, в них слишком много финской, татарской, в верхнем слое с Петра - немецкой крови. Русские - скифы. Они менее славяне, чем поляки или чехи. Пруссия есть старая славянская страна, и у пруссаков много славянской крови. Но что представляет собой расизм, который принимает такие грозные для христианства формы в Германии, с религиозной точки зрения? Расизм есть чисто еврейская идеология. Единственная классическая в истории форма расовой идеи представлена еврейством. Именно еврейство заботилось об охране чистоты расы, сопротивлялось смешанным бракам, не допускало вообще смешений, хотело оставаться замкнутым миром. Еврейство придавало религиозное значение крови, связывало неразрывно момент религиозный с моментом национальным. Мессианское сознание народа всегда есть явление еврейского духа. Еврейству была свойственна исключительность, исключительная приверженность к своему и своим. Антисемитов можно было бы назвать "жидовствующими". Если уже говорить условно и символически об "арийцах", то именно нам, "арийцам", совсем не должен быть свойствен никакой расизм, никакой исключительный национализм, никакой рациональный мессианизм. Таким "арийцам", как индусы и греки, свойствен скорее индивидуализм, не в современном, а в древнем смысле слова, они гораздо более дорожат душой, духом или формой тела, чем судьбой народного коллектива, для них совсем не характерны фанатизм, нетерпимость и исключительность. Если расизм на почве еврейства имеет свое оправдание, то он не имеет никакого оправдания на почве христианства. Недостойно даже обсуждение "арийского параграфа" с христианской точки зрения, хотя он предложен именно христианам. Расовый антисемитизм неотвратимо переходит в антихристианство, что мы и видим в Германии. Германо-арийское христианство есть отречение от Евангелия и от Христа. Древний религиозный конфликт христианства и юдаизма, который действительно существует, в нашу эпоху смешений и мути принимает такую форму, что воинствующий антиюдаизм оказывается антихристианством. Христианский антиюдаизм направлен не против Библии и Ветхого Завета, а против

талмудически-равинского юдаизма, образовавшегося после отвержения Христа. Когда религиозный антиюдаизм превращается в расовый антисемитизм, он роковым образом превращается и в антихристианство, ибо христианство имеет человечески еврейские истоки. Ортодоксальным евреям позволено быть "расистами", они могут враждебно относиться к "арийцам" христианам. Но христианам религиозно не позволено, запрещено быть "расистами" и враждебно относиться к евреям. Таково преимущество христиан. Расовая теория с христианской и с просто человеческой точки зрения гораздо хуже, чем классовая теория, в ней дегуманизация гораздо глубже. В классовой теории марксизма человек из обреченных на гибель буржуазных классов может все-таки спастись через изменение сознания, он может усвоить себе марксистскую идеологию, стать коммунистом и даже народным комиссаром. В расовой теории спасения нет. Если ты еврей или негр, то никакое изменение сознания, никакие верования и убеждения тебя не спасут, ты погиб. Если еврей становится христианином, то это его не спасает. Не спасает, и если он становится национал-социалистом. Истинным германским "арийцем" также нельзя сделаться, как нельзя сделаться евреем, им можно только родиться. Фатум крови тяготеет над человеком. Это есть абсолютный детерминизм и фатализм. Но христианство есть религия свободы духа, она не терпит фатализма и детерминизма. Классовый детерминизм относительный по сравнению с расовым, и потому последний есть более глубокая дегуманизация. Не говоря уже о том, что с христианской точки зрения гитлеризм более опасен, чем коммунизм, потому что коммунизм прямо и открыто борется против христианства, как враг всякой религии, гитлеризм же насильственно требует внутренней деформации христианства, изменяя самые христианские верования в угоду расовой теории и диктатуре третьего царства.

Национализм и расизм неразрывно связаны с этатизмом. Осуществление великой миссии нации или расы, реализация ее империалистической воли требует силы и власти. Национализм может реализовать себя только через государство, он стремится захватить государство в свои руки. Без приобретения государственной силы национализм остается эмоциональным состоянием. Современный национализм гораздо более связан с государством, чем с культурой. Современный национализм мало дорожит культурой, и он сплошь и рядом отрекается от традиций национальной культуры. Гитлеризм менее всего верен лучшим традициям германской культуры, он совсем не хочет, чтобы германский народ был народом философов и поэтов. Свобода науки, уважение к самооценности знания - традиция немецкой культуры. Эту традицию низвергает национализм современного стиля. Национализм вдохновляется не волей к истине, а волей к могуществу. Долой истину, долой правду, лишь бы мы были могущественны. Вот лозунг. И это требует сильной государственной власти как своего орудия. И старый русский национализм никогда не дорожил русской культурой, он дорожил государственной мощью, его героями были генералы, министры, губернаторы, а не поэты, художники, философы, ученые, реформаторы и пророки. Совершенно так же новый русский национализм после войны и революции более всего ищет приобретения власти и государством дорожит более, чем культурой. Национализм без этатизма, без обладания государственной мощью как своим орудием, без абсолютизации государства не может существовать. Государственная мощь есть объективизация национализма. Но подлинная творческая национальная культура не допускает нарочитости. Нельзя сознательно начать творить национальное искусство и национальную философию, нужно любить истину, любить правду и красоту. Философия может быть национальной по характеру проблем, по стилю, но ее совсем не будет, если философы не будут прежде всего искать истину. Народность в культуре есть бессознательный органический процесс, а не нарочитость и надуманность. Политика же государства может быть нарочито и надуманно национальной, вернее, националистической. Мы не видим, чтобы национализм, принявший форму диктатуры, что-нибудь творил в области культуры. Диктатурам обыкновенно бывает не до культуры. Но в области государственной он много делает, это и есть единственная арена действенной национальной воли. Национализм есть неизбежно не только языческое обоготворение национальности, но и

языческое обоготворение государства, т. е. этатизм, хотя бы государство рассматривалось не как самоцель, а как орудие расы. Современный национализм связан с идеей тотального государства. Национализм и этатизм одинаково основаны на антиперсоналистической этике. Организованные массы хотят жить в абсолютных государствах и не дорожат личной жизнью, независимой от государства, не дорожат культурным творчеством, продуктом свободы духа. Всякий деспотизм есть трансформированный первобытный коммунизм.

3

Мир вступает в эпоху цезаризма. Этот цезаризм, как и всякий, впрочем, цезаризм, будет носить ярко плебейский характер. Он представляет плебейское восстание против аристократического начала в культуре. Современный "вождь", может быть, предшественник нового цезаря, есть вождь народных масс, он психологически выдвинут современными коллективами. "Вождь" правит массами посредством демагогии. Без демагогии как своего орудия он совершенно бессилён и будет свергнут, да и никогда не достиг бы без нее власти. "Вождь" совершенно зависит от массы, которой он управляет деспотически, зависит от психологии коллективов, от их эмоций и инстинктов. Власть вождей целиком покоится на подсознательном. Подсознательное всегда играет огромную роль в отношениях властвования. Но вот что поразительно. В современном мире власть, основанная на подсознательном и иррациональном, пользуется методами крайней рационализации и технизации человеческой жизни, государственного рационального планирования не только хозяйства, но и человеческой мысли, человеческой совести и даже личной, сексуальной и эротической жизни. Современная рационализация и технизация-находятся во власти подсознательных и иррациональных инстинктов, инстинктов насилия и господства. Так в Германии, так в Советской России. Но современный этатизм, современное притязание царства кесаря на абсолютное значение резко сталкивается с христианством. И в этом, быть может, центральный духовный смысл событий. Абсолютное, идеократическое, тотальное государство неизбежно приходит к отрицанию свободы религиозной совести, свободы христианина в его духовной жизни. Государство хочет быть церковью. Различение и разграничение между царством кесаря и Царством Божиим постоянно снимается и стирается в нашем падшем мире, и это всегда означает, что царство кесаря хочет поглотить Царство Божье. В современной Германии это обнаружилось с необычайной силой. Отрицание неизбежного в падшем мире дуализма Царства Божьего и царства кесаря, духа и природы, свободы и необходимости, личности и общества есть источник деспотизма и тирании. Подлинное преодоление этого дуализма означает преображение мира, новую землю и новое небо. Но царство кесаря, переживающее разнообразные метаморфозы, хочет преодолеть дуализм в этом демонически-тираническом направлении. Национализм есть один из путей к этой тирании царства кесаря над духом. Только преодоление суверенности национальных государств и движение в направлении мировой федерации народов может освободить от этой тирании. Национальными должны остаться именно культуры, а не государства, т. е. обратное тому, что утверждает современный национализм. Но к этому мир придет, вероятно, после того, как будет истреблена значительная часть человечества. Мир сейчас находится под знаком воли к убийству, к пролитию крови в тиранических государствах. Современный экономизм, современный техницизм, современный коммунизм, современный национализм и расизм, современный этатизм и цезаризм одержимы жаждой крови, питаются ненавистью.

Наконец, еще одна новая сила вошла в историю и грозит устойчивости европейской культуры. Народы Востока, цветные расы хотят быть активной силой истории, хотят быть субъектами, а не объектами. Наступает конец Европы как исключительного монополиста культуры. Происходит взаимодействие Востока и Запада, которое со времен Ренессанса, казалось, прекратилось. Наряду с всплывшим национализмом происходит универсализация человечества. Пробуждение народов Азии, пробуждение миров, которые рассматривались исключительно как колонии, тяжело ударили по Европе прежде всего экономически. Капитализм держался колониальной политикой. Но колонии не хотят уже быть предметом капиталистической эксплуатации. Христианские народы Запада совсем не

по-христиански относились к нехристианским народам Востока. Они скомпрометировали дело христианства в мире, вызвали очень тягостные ассоциации. Были отдельные миссионеры, проявлявшие настоящий героизм и святость. Но в общем народы западной культуры совсем не христианским лицом были обращены к народам Востока, к цветным расам и совсем не христианство несли им. За это сейчас приходится расплачиваться Западной Европе, поскольку она остается христианской, придется по-христиански обратиться к нехристианскому Востоку, а не с лицом эксплуататора. Белой расе уже нельзя будет разыгрывать роль высокомерного цивилизатора по отношению к цветным расам. Народы Востока, японцы, китайцы, индусы, начинают усваивать себе западную цивилизацию, они становятся материалистами, они получили с Запада национализм. Свет же Христовой истины они в очень малой степени себе усвоили, не видят его. Происходит только разложение их древних религиозных верований. Даже индусы, которые были во много раз духовнее обуржуазившихся и материализовавшихся народов Запада, теряют свою духовность и цивилизуются. Таким образом, в мировую историю активно вступили огромные человеческие массы, количественно много превышающие человеческие массы Европы, и вступили в тот момент, когда усвоили себе самые дурные стороны европейской цивилизации. Все это страшно обостряет мировой кризис и ставит перед грозными перспективами. Мир вступил в период анархии и распада, и вместе с тем никогда еще не было такого помешательства на организации, на плановости, на принудительном единстве, на абсолютности государства. Глубокие корни всего происходящего нужно искать в плане духовном, в кризисе христианства и религиозного сознания вообще, в упадке духовности. И настоящее излечение может принести с собой лишь новая духовность, еще не ставшая определенной и определяющей силой.

[1] См. мою статью "Человек и машина"

[2] "Да, но ведь это действительно так" (фр.).

ГЛАВА IV. Аристократическое начало культуры и судьба интеллектуального слоя. Суд над христианством и искание новой духовности

1

Все говорят теперь о кризисе культуры и опасаются за ее будущее. Это стало общим местом. Кризис культуры социологически связан с тем, что всякой высокой культуре присуще аристократическое качественное начало, которое подвергается величайшей опасности от процесса демократизации и уравнивания, от господства масс. Мы живем в эпоху плебейского восстания против всякого аристократического начала в культуре. Новые авторитарные государства в отношении к культуре носят решительно плебейский характер и означают господство количества над качеством. Античная греко-римская культура была аристократической по своему принципу, культурой поддержания и охранения качеств. Аристократической была и культура Ренессанса. Культура развивалась благодаря досугу, благодаря возможности проявить творческую избыточность, она предполагала неравенство. Культура никогда не существовала для всей массы человечества и никогда не была удовлетворением ее запросов и требований. Народность культуры совсем не означала соответствия уровню народных масс и исполнения ее заказов. Народность была выражением духа народа, гений мог его лучше выражать, чем масса. Но сейчас от культуры все более и более требуют, чтобы она была народной в смысле соответствия с запросами и требованиями народных масс. Это перерождает характер культуры и превращает ее в феномен другого порядка, которому нужно дать другое имя. Иногда этому феномену дают имя цивилизации, но терминология эта, конечно, условна. Господство масс и безличных количеств, принимающее то форму буржуазных демократий с диктатурой денег, всегда скрытой и замаскированной, то форму авторитарных государств с открытой диктатурой вождей, ставит в очень тяжелое положение творческий культурный слой, культурную элиту. Эта культурная элита переживает смертельную агонию, ее моральное и ее материальное положение делается все более и более невыносимым. В демократии либеральной она зависит от капиталами от вульгарных вкусов толпы, в демократии авторитарной или коммунистической она зависит от

диктатуры мирозерцания, от власти, претендующей организовать дух. Мы живем в эпоху "социального заказа". Социальный заказ масс определяет, чем должны быть культура, искусство, литература, философия, наука, даже религия. И нет социального заказа на высшую качественную культуру, на духовную культуру, на настоящую философию, на настоящее искусство. Социальный заказ существует главным образом на технику, на прикладное естествознание, на экономику, нет заказа на то, что связано с духом и духовностью. Духовная энергия переключается и направляется на предметы совсем не духовного порядка. Интеллектуальный культурный слой социально совсем не защищен, его существование лишено всякого материального базиса, он висит в воздухе и слишком часто чувствует свою ненужность, он принужден приспособляться, чтобы не провалиться окончательно в бездну. Положение инициаторов и творцов духовной культуры никогда не было легким, оно не было легким и нормальным и в ренессансную эпоху. Сплошь и рядом они творили неизвестно для кого, но творчество их сравнительно было свободно. Материально писатели, художники, музыканты, ученые зависели от меценатов. Но они жили в сложном, дифференцированном, не унифицированном обществе, они не подвергались диктатуре над духом и могли лавировать. Капитализм XIX века с его экономизмом и скрытой диктатурой денег исказил и деформировал чистоту культуры, приспособил ее к интересам буржуазных классов. Формально творцам культуры была предоставлена полная свобода, но материально они подвергались гнету, испытывали одиночество, непризнание, нужду. И многие из творцов культуры либеральной, буржуазной эпохи тосковали по культуре всенародной и "органической". Социальное одиночество творцов культуры есть характерное явление буржуазной эпохи. Этим одиночеством часто гордились и дорожили тем, чтобы оставаться в нем. Это одиночество иногда было групповым, одиночеством элиты. В средневековье, в Древней Греции культура была религиозной, всенародной, "органической". Эта всенародность была совсем иной, чем в наш демократический век, ибо массы жили в религиозно освященном иерархическом организме. Тогда не было такого разрыва между творцами культуры, между интеллектуальным слоем и всенародной жизнью. Это была культура социального заказа в благородном смысле слова, социального заказа, допускающего и предполагающего аристократическое, качественное начало культуры. Но этой культуре чужд был индивидуализм ренессансной и буржуазной эпохи, это была культура коллективная. Культура Древней Греции в гораздо большей степени была культурой социального заказа, чем это принято думать, искусство совсем не было "чистым", оно играло социально служебную роль. Греческая культура была всенародной и вместе с тем аристократической. Для прежних "органических" эпох характерно сочетание всенародности и органичности в культуре. В нашу эпоху, устремленную к коллективизму, все меняется. Массы приобщаются к культуре. Это необходимо и справедливо. Массы не могут оставаться во тьме. В прошлом массы были приобщены к культуре через религию. Культура народного слоя была почти исключительно религиозной культурой, и в ней происходило соединение народного слоя с аристократическим культурным слоем. Только религия обладает способностью делать такие соединения. Этой способностью не обладают философия, наука, просвещение, искусство, литература. Высокая качественная культура, лишенная религиозного базиса, неизбежно отрывается от всенародной жизни, и образуется уединенная культурная элита, чувствующая свою ненужность для народа. Гуманистическая культура никогда не была народной, она была культурой верхнего интеллектуального слоя, лишенного социального базиса. Справедливость демократизации, приобщающей к культуре огромные народные массы, имеет обратной своей стороной понижение качественного уровня культуры. Этот процесс означает не только, что массы повышаются в своем культурном уровне, что в них пробуждаются культурные потребности, но и что массы начинают господствовать над культурой и приспособлять ее к своему уровню. Культура в широком смысле притягивается к социальной обыденности жизни масс. Культура элиты еще более уединяется, делается рафинированной, в ней обнаруживаются признаки смерти, и ее представители получают вкус к смерти. Это есть декаданс в культуре, иссякание источников

жизни. Другая часть культурных деятелей хочет спастись, приспособляется к массам, к их вкусам и запросам, пытается исполнить социальный заказ. Но самое существование культурной элиты, оторванной от всенародной жизни, делается все более и более ненужным и ненормальным. Она не имеет будущего. Этот кризис качественной культуры и эта печальная судьба интеллектуального слоя, по-видимому, безысходны вне духовной революции в мире, вне религиозного возрождения. Чисто культурное возрождение уже невозможно по возрасту мира, возможно лишь религиозное возрождение, которое только и в силах решить вопрос о соотношении между аристократическим и демократическим, личным и общественным началом в культуре.

Русский коммунизм и немецкий национал-социализм - диктатуры мирозерцания, диктатуры над духом. Поэтому культура коммунистическая и культура национал-социалистическая есть культура социального заказа. Это принимает уродливые формы в России и Германии. Деятели культуры задыхаются. Так осуществляется идея коллективной, всенародной культуры, о которой мечтали некоторые творцы культуры в конце XIX и в начале XX века - Р. Вагнер, у нас В. Иванов и символисты. Так преодолевается индивидуализм в культуре. Наступает конец Ренессанса, о котором я много раз писал. Есть ли в этом хоть какая-либо доля правды и можно ли этому противопоставлять старый индивидуализм и либерализм? Думаю, что есть большая доля правды и что нельзя этому противопоставлять индивидуализм и либерализм, которые совершенно выветрились и разложились. Верно понимание культурного творчества как служения сверхличной цели. Эгоизм интеллектуального слоя не может быть оправдан. Идея служения почти совершенно исчезла в ренессансную и либеральную эпоху. Но идея сверхличного служения не только не противоположна свободе духа, свободе творчества, но она реализуема лишь через эту свободу. Творческое служение есть служение вольное, оно не может быть уподоблено трудовой или воинской повинности. Диктатура над духом не только лишает творчество свободы, но она подкупает творцов культуры и требует от них предательства, располагает к сервилizmu и заставляет исполнять из-под палки государственные заказы. Диктатура мирозерцания парализует совесть творцов, и лишь героическое сопротивление свободной совести может ей противостоять. Подкуп творцов культуры делается легким потому, что положение их стало и духовно, и материально очень тяжелым, они были социально не защищены и превратились в безработных. Интеллектуальному слою грозит или гибель, исчезновение за ненужностью, или превращение в послушных чиновников идеократического государства, практикующего диктатуру над духом. Высший культурный, интеллектуальный слой уже давно живет замкнутой, изолированной жизнью, оторванной от всякого широкого социального базиса, от жизни всенародной. Произошло не только разделение, но и разрыв между теоретическим и практическим разумом, между интеллектом и действием, между "духом" и "материей". Это привело к бессилию и упадочности. Гуманизм, как основа европейской культуры, бессилён был восстановить единство и бессилён был поддержать культурный слой, когда начался космический ветер. Гуманизм не в силах устоять при процессах технизации жизни, вторжении масс, демократизации и пр. Как было уже сказано, он не может спасти аристократическое начало культуры и личной оригинальности. Единство пытаются утвердить грубые диктатуры, основанные на дегуманизации. Идея органической культуры и органического строя общества в XIX и XX веках есть идея романтическая, и возрастающая власть техники наносит ей непоправимые удары. Мир идет не к органическому, растительному единству, а к организованному, техническому единству. Но когда в происходящих космических и социальных процессах ставится вопрос о судьбе самого человека, о спасении человека, о борьбе против дегуманизации всей жизни, то мы неизбежно приходим к вопросу религиозному, к кризису духовному и к возникновению в мире новой духовности.

2

Совершается не только суд над историей, но и суд над христианством, над христианством в истории, над христианским человечеством. Христианство в истории было

не только откровением Бога, но и созданием человека. И создание человека бывало хорошим, но бывало и плохим. Чистота откровения часто искажалась человеческой стихией, человеческим сознанием, в котором оно преломлялось. Грехи христиан в истории были велики и тяжки. Было выдуманно неисчислимое количество ложных теофаний. Человеческое, слишком человеческое выдавалось за Божье. История христианства, история церкви есть богочеловеческий процесс, и в этом жизненном процессе, как и во всяком жизненном процессе, были процессы патологические, процессы распада. Свобода человека предполагает возможность неудач христианства в истории. Христианство, церковь не есть сам Бог, не есть сам Христос, хотя в них действует Бог, действует Христос. Христианство есть человеческая история, и в нем отражаются все противоречия человеческого существования. Христианство, христианское человечество проходило через все соблазны, соблазны мира сего, прикрывавшиеся священным. Падшая свобода действовала в христианской истории и выдавала себя за волю Божию. Суд над христианством есть суд над ложными теофаниями, ложными освящениями природного и исторического, несущего в себе черты падшести. Слишком многое относительное, недостойное было объявлено священным, табу. Процессы сакрализации природно-исторического, социального по своему происхождению взяли окончательно верх над преображением жизни, над профетическим началом в религиозной жизни. Суд над христианством в истории есть всегда суд профетический, и он предполагает возгорание профетического духа, обращенного к преображению, а не только к освящению. Суд над христианством есть очищение, и он раскрывает путь для преображения жизни. Суд означает, что человек поставлен перед неприкрытыми, оголенными реальностями. И это хорошо. Падение многих исторических святых может значить, что человек приближается к подлинной святине, святине святых, приближается к Богу. Бог не нуждается в человеческом освящении. Он изначально свят. Для мира же святость Божья есть суд. Суд над историей есть также суд над христианством, ибо христианство есть часть истории и заразилось всеми противоречиями и соблазнами истории. Внутрь христианства, как явления человеческого, перенесли комплексы человеческой душевно-телесной жизни, раскрываемой и опознаваемой психопатологией, - садизм и мазохизм, истязание другого и истязание себя. Этот садизм и мазохизм отравил даже христианское учение, его печать можно узнать в учении о вечных адских муках. Тут нужен процесс духовного очищения. Суд над христианством происходит во всех областях человеческого существования, во всех областях человеческой культуры. - Это есть суд и над ложным монизмом и над ложным дуализмом, суд над крайним имманентизмом и над крайним трансцендентизмом, суд над обоготворением слабостей человека и над унижением достоинства человека. Мировой кризис есть суд сверху и снизу. В трагическом столкновении христианства и истории, которое не ново, которое вечно, христианство судит историю, но и история судит христианство. Суд истории над христианством есть обнаружение неудачи христианства в истории. Неудача христианства в истории значит, что не христианство победило историю, а история победила христианство. История судит христианство именно за то, что она, а не христианство победило. Но это поражение христианства обращается и в суд над историей. Неудача христианства и есть неудача истории. И сейчас это виднее, чем когда-либо.

Суд над христианством и христианами совершается прежде всего в вопросе социальном, который стоит в центре нашей эпохи. Бесспорно, отмена рабства и крепостного права, признание человеческого достоинства за каждым человеком, признание свободы совести и свободы духовной жизни - все это связано с тайными, подземными действиями христианства на человеческие души. Но христиане не осуществляли прямо правды в социальной жизни, они предоставляли это нехристианам. они слишком часто осуществляли неправду и несправедливость и согласовали высшие духовные ценности с интересами господствующих классов и существующего порядка. Христианство сумели сделать "буржуазным". Ныне совершается жестокий суд над "буржуазным" христианством, над всяким приспособлением христианства к человеческим интересам. Христиане создали очень тяжелые ассоциации, связанные с христианством, для трудящихся масс, они все сделали,

чтобы антирелигиозная, безбожная пропаганда была легкой в среде рабочих. Задача создания более справедливого и человеческого социального строя попала в руки не христиан, а антихристиан. Божеское и человеческое было разорвано. С этим связан суд над христианством и в области моральной. Христианство слишком часто бывало античеловеческим, антигуманным, призывало к исполнению заповеди любви к Богу против заповеди любви к человеку. Христиане сделали ложные моральные выводы из учения о первородном грехе, отрицали творчество человека, считали полезными для греховного человека стеснение и страдание и защищали строй жизни, порождавший стеснения и страдания. Наибольшего извращения достигло учение о смирении и послушании, оно превратилось в требование смирения перед злом, послушания злу, отказа от собственной совести. Религия любви и милосердия превратилась в проповедь безжалостного и жестокого отношения к человеку. Была совершена измена, измена в отношении к вечной идее Бога о человеке как своем образе и подобии и в отношении к откровению о Богочеловеке и богочеловеческой жизни. Происходит суд над христианством в культуре. Слишком часто, вследствие ложного истолкования аскетизма, христианство враждовало против культурного творчества, творчества в философии, науке, искусстве, технике. Культурное творчество, как и социальные реформы, с запозданием было санкционировано христианством. И человеческое творчество ушло от христианства, творческая инициатива выпала из рук христиан. Совершается суд и над христианской духовностью, над старым пониманием аскезы. Аскеза была понята как цель, а не как средство и стала враждебной жизни и творчеству, враждебной человеку. Монашеская аскеза часто вела к иссушению человеческого сердца, к любви отвлеченной, а не конкретной. И монашество, православное и католическое, переживает жестокий кризис. Нужна в мире совершенно новая форма монашества, порожденная новой духовностью. Христианская духовность слишком часто понималась как уход от мира и людей, как трансцендентный эгоизм, как нежелание разделить страдальческие судьбы мира и человека, она не была достаточно проникнута христианской любовью и милосердием, не заключала в себе человеческой теплоты. И мир восстал против духовности как против утонченной формы эгоизма и равнодушия к муке мира. Только новая возрожденная духовность может этому противостоять. Забота о жизни другого, ближнего, даже материальная телесная забота уже духовна. Хлеб для меня - материальный вопрос, хлеб для другого - духовный вопрос. Происходит суд над христианством и в отношении к жизни пола, к любви и браку. Господствующее христианское учение отрицало смысл любви и проклиняло ее. И любовь, не в низменном, а в возвышенном смысле слова, начали утверждать вне христианства и против христианства. Была освящена буржуазно-мещанская семья с ее экономическим эгоизмом и замкнутостью. Но интимная жизнь любви от христианства ушла. Высший смысл любви был раскрыт провансальскими трубадурами, и ее защищала поэзия и литература. Христиане жили в этом отношении в разладе и дуализме. Пол, любовь, брак связывали с родом, а не с личностью, с устройством родовой жизни. И личность не могла этого вынести. Поразительна беспощадная строгость христианства в отношении к любви и необыкновенная снисходительность в отношении к собственности, которая санкционировалась в самых дурных своих проявлениях. Происходит суд и над христианским богословием, над удушливой рационализацией христианской истины и тайны, над искажением богословской мысли социальными внушениями, над перенесением дурных и греховных социальных отношений людей на самую божественную жизнь, на отношение между Богом и человеком. Богом и миром. Только творческая религиозная и философская мысль может произвести очищающую работу и защитить вечную истину христианства. Все замутнения и искажения христианства определялись тем, что трудно было человеку вместить полноту истины о Богочеловечестве. Человек то обращался к Богу, отвращаясь от человека, то обращался к человеку, отвращаясь от Бога. Но и тогда, когда он отвращался от человека, он впадал в свое дурное человеческое в своем обращении к Богу. Проблема христианской антропологии, религиозная проблема о человеке есть основная проблема нашей эпохи. Только полнота

христианской истины в своей чистоте может бороться против дегуманизации, может предотвратить гибель человека. Мир попробовал утверждать человека против христианства и пришел к отрицанию человека. И вне христианства, вернее, вне Христа нет спасения для погибающего человека. К христианству, возрожденному и обновленному, переходит теперь защита человека, человеческого достоинства, человеческой свободы, человеческого творчества, человеческих отношений между людьми. Только христианство может создать внутреннее общество, все социальные движения организуют лишь внешнее общество.

3

Мир находится не только в ужасном и нестерпимом экономическом и политическом положении, он находится прежде всего в нестерпимом духовном положении. Подвергается величайшей опасности самое существование духовной жизни, самая возможность ее существования. Мы живем в мире безумия. Не заметили, что человек стал безумен. От жадности к жизни, от любви к этому миру он потерял равновесие и опрокинут. Миром вновь овладел полидемонизм, от которого освободило человечество христианство. Дехристианизация привела к дегуманизации, дегуманизация привела к безумию, ибо внесла повреждение в самый образ человека. Человек открылся для всякого рода одержимости, для всякого рода демоники, им овладели демониакальные космические и социальные силы. И человек увидел свою свободу в том, чтобы окончательно подчиниться этим демониакальным космическим и социальным силам, слиться с ними. Современная дегуманизация ставит человека под знак одержимости и безумия. Характерны для нашего времени именно организованная одержимость и безумие. Когда дух перестает владеть душевным и телесным составом человека, то он теряет внутреннюю цельность и равновесие. Космические и социальные стихийные силы вторгаются внутрь человека и организуют его через внушение. Вследствие этих внушений человек делается одержимым или элементарными космическими теллурическими силами земли, расы, народа, пола, или элементарными социальными силами экономических интересов, денег, класса, социальной группы, партии. Но духовно человек совершенно дезорганизован. Он потерял духовную сопротивляемость внушению и одержимости. Это есть потеря самого принципа личности, ибо личность есть дух, духовная сопротивляемость всякой демониакальной одержимости безличными космическими и социальными силами, работа духа над просветлением душевного и телесного состава человека. Современному коллективному безумию и одержимости, современному полидемонизму и идолатрии можно противопоставить лишь мобилизацию сил духа. Социальная организация сама по себе бессильна противиться хаотическому распаду мира и человека. Мир может превратиться в организованный и технизированный хаос, которому будут соответствовать самые страшные формы идолатрии и демонолатрии. Человеку вновь придется вернуться к единобожию или разложиться окончательно, расплыться на космические элементы, принудительно организованные в социальные коллективы. И человек будет разлагаться в два противоположных направления, в сторону животности и в сторону машинности.

В мире должна раскрыться новая христианская духовность. От этой духовности будет зависеть судьба мира и человека. Эта духовность не может быть отвлеченной, не может быть уходом от мира и человека. Она будет означать работу духа в мире и в человеке, над миром и над человеком. Новая духовность не может допустить рабства человека у космических сил и рабство у сил социальных и технических. Она призвет человека к царственному положению и к творческому делу в мире. Человек новой духовности не проклинает мир, не осуждает и не анафематствует одержимых и идолопоклонствующих, он разделяет страдание мира, несет в себе трагедию человека, он стремится внести духовно, освобождающее начало во всю человеческую жизнь. Личность, духовно укрепленная и защищенная, не допускает растерзания ее силами этого мира, не допускает до сдержания ее демониакальными силами, но она не изолирована и не замкнута в себе, она раскрыта для универсального содержания, для всех сверхличных ценностей. Это очень сложная духовная проблема соотношения между личным и сверхличным, проблема выхода личности из себя в общении, который никогда не

есть переход к безличному. Новая духовность есть не только путь от мира и человека к Богу, но и путь от Бога к миру и человеку, не только восхождение, но и нисхождение, т. е. вмещение в полноте истины о Богочеловечестве, о богочеловеческой жизни. В старой духовности любовь к Богу часто бывала нелюбовью к человеку, отворачиванием от человека, проклятием миру. Избавление может принести лишь новая духовность, в которой любовь к Богу будет и любовью к людям, в которой свобода от власти мира будет также и любовью ко всему Божьему творению, в которой духовная жизнь человека будет не только искуплением, но и творческим делом в мире. Это предполагает не отрицание аскезы, а новое понимание аскезы, при котором она будет освобождена от жизневраждебных элементов, от того, что можно назвать религиозным нигилизмом. Христианство есть прежде всего религия любви и свободы. Но именно потому, что христианство есть религия свободы, будущее не детерминировано, не фатально ни в сторону зла, ни в сторону добра. Поэтому предстоит трагическая борьба. Новая духовность должна вновь гуманизировать человека, общество, культуру, мир. Но для христианства этот процесс гуманизации есть не исключительно человеческий, а богочеловеческий процесс. Лишь в Богочеловечестве, лишь во Христе и в теле Христовом может быть спасен человек. Иначе он будет растерзан демониакальными силами, он разложится окончательно от демонов ненависти и злобы, от одержимости и безумия. Проблеме человека принадлежит примат над проблемой общества и культуры. И человек берется тут не как отвлеченное духовное существо, не в одной своей внутренней личной жизни, а как целостное существо, как существо и социальное, и космическое. Для христианства в мире наступает новый день. Христианству может социально соответствовать лишь персоналистический социализм, соединяющий личность и общинный принцип. Пробыл час, когда после страшной борьбы, после небывалой дехристианизации мира и изживания всех последствий этого процесса христианство предстанет в чистом виде. Тогда ясно будет, за что христианство и против чего христианство. Христианство вновь станет единственным и последним прибежищем человека. Ясно станет, когда произойдет очищение, что христианство за человека и человечность, за ценность и достоинство личности, за свободу, за социальную справедливость, за братство людей и народов, за просвещение, за просветление, за творчество новой жизни, и только христианство за это. Суд над христианством есть суд над изменой христианству, над извращением и загрязнением христианства, и правда этого суда есть правда суда над падшим миром и над его греховной историей. Но настоящее духовное возрождение в мире начнется, вероятно, лишь после того, как будут решены элементарные насущные вопросы человеческого существования для всех людей и народов, после того как будут побеждены горькая нужда и экономическое рабство человека. Тогда лишь может обнаружиться новая и более сильная манифестация Духа Святого в мире.